
Андрей Коваль
Цикл
Пепельный путь
Книга 2
Цена свободы

Андрей Коваль

Пепельный путь.
Книга 2: Цена свободы

«Автор»
2026

Коваль А.

Пепельный путь. Книга 2: Цена свободы / А. Коваль — «Автор», 2026

Они вырвались из рабства, пережили смертельные опасности и обрели свободу. Но оказалось, что завоевать её гораздо проще, чем сохранить.Лекс и его спутники отправляются в Механос — город мастеров, древних механизмов и больших возможностей, где за всё приходится платить. За голову беглого раба уже назначена огромная награда, могущественный магистр продолжает поиски, а тайны исчезнувшей цивилизации грозят пошатнуть устоявшийся порядок.Впереди новые союзники, опасные враги, забытые клятвы и открытия, способные изменить судьбы целых народов.Но главный вопрос остаётся прежним: сколько стоит свобода и на что ты готов ради неё пойти?

© Коваль А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. За пределами камня 5
Акт I. Сталь и тени 8
Глава 1. Восстание теней 8
Глава 2. Город машин и теней 20
Интерлюдия 1. Хранитель 33
Глава 3. Город возможностей 39
Глава 4. Весть из прошлого 56
Глава 5. Песнь Ингрии 67
Глава 6. Союз со сталкерами 79
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Пепельный путь. Книга 2: Цена свободы

Пролог. За пределами камня

Месяц Нарвион, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры
Горная дорога. Первый день после выхода из Старого Города

Первым Айрин услышала ветер.

Не движение воздуха в вентиляционной шахте, не ровный гул древнего механизма, к которому за месяцы под землёй успела привыкнуть, а настоящий горный ветер, гулявший между скалами по собственной воле. Он налетал порывами, задирал край плаща и забирался

под воротник так настойчиво, что никакая застёжка не помогала. На открытом месте Айрин остановилась, чтобы снова завязать волосы, но озябшие пальцы плохо слушались, и затянуть кожаный шнурок оказалось непросто.

Небо было низким и серым. Там, где облака разошлись над перевалом, оно казалось почти неправдоподобно широким.

— Замёрзла? — спросил Лекс.

Он подошёл не сразу: прежде поправил ремень винтовки, убранной в чехол, и проверил, не соскользнул ли край ткани с застёжки. Айрин заметила, что он держит плечо чуть выше обычного. Под землёй он мог часами спорить с неисправным механизмом, но собственную усталость по-прежнему считал досадной помехой, которую достаточно не замечать.

— Замёрзну, если будешь стоять и спрашивать, — ответила она. — Иди. На подъёме поговорим.

Лекс посмотрел на тропу, где Кор-Дум остановился возле Зураба, и спорить не стал. Айрин стало легче оттого, что не пришлось тратить силы на спор: они ещё пригодятся на подъёме.

За спиной, под камнем, оставался Грым. Уходя, они несколько раз проверили дверь, и Айрин знала, что молодой дворф справится с обычной работой лучше многих опытных мастеров. Знала и другое: даже хороший мастер может плохо спать, если впервые остаётся один в месте, где за каждой стеной лежит что-то незнакомое. Но за этим знанием не стояло права повернуть всех назад.

Кор-Дум шёл медленнее, чем рассчитывал утром. Он выбирал камни для следующего шага не столько себе, сколько Зурабу, у которого после долгой работы и ранения начинала наливаться тяжестью нога. Айрин видела это по походке: человек переносил вес на здоровую сторону раньше, чем опускал больную ступню. Сначала из-за такой походки напрягалась спина, потом начинало уставать всё тело. Когда такое происходило, самого Зураба обычно приходилось останавливать дважды.

— Здесь передохнём, — сказала она, нагнав их у узкой полки.

— До поворота рукой подать, — возразил Зураб.

— Рукой и подавай. Ногой пока не надо.

Кор-Дум окинул склон взглядом и сдвинул мешок с плеча.

— Скала справа прикрывает от ветра. Пять минут нам не повредят.

— Вот видишь, — сказал Зураб Айрин. — Он со мной согласен.

— Он согласен со скалой, — ответила она. — Скала разумнее нас всех.

Лекс фыркнул, а Кор-Дум показал рукой на сухую площадку за выступом. Через несколько минут все четверо уже сидели там, укрывшись от ветра. От склона тянуло сыростью; где-то внизу сыпались мелкие камни. Звуки были обычные, но после подземных коридоров Айрин приходилось заново учиться не искать в каждом из них работающий механизм.

Она попросила Зураба ослабить ремень на голени, проверила повязку и убедилась, что кровь не проступила. Отёк оставался, хотя за последние дни не усилился. Значит, можно было идти дальше, только не тем темпом, который каждый из мужчин по очереди называл «нормальным».

— Вечером опять осмотрю, — предупредила она.

— Не забудешь, — сказал Зураб.

— Постарайся и ты не забыть, какой ногой наступать больно.

— У меня богатый опыт. Сразу узнаю.

Он произнёс это спокойно, без жалобы, но Айрин видела, как трудно ему было садиться на холодный камень. Она поправила край повязки и отпустила его. Лишней заботой можно было обидеть не хуже равнодушия; достоинство больного не переставало существовать только потому, что он нуждался в лечении.

Пока остальные разбирали мешки, она достала свою тетрадь. На последних страницах были записи о перевязочных средствах, остатках настоя и лекарствах, которые нельзя тратить без крайней необходимости. Айрин проверила, не промокла ли бумага под плащом, и пересчитала узкие свёртки с чистой тканью. В Старом Городе она привыкла возвращать всё на место сразу после работы: забытая повязка могла понадобиться тогда, когда времени на поиски уже не останется.

На полях записи оставалось свободное место. Она посмотрела на потрескавшуюся кожу собственных пальцев, помедлила и добавила: «На привалах проверять руки. Не только чужие».

Пальцы у неё действительно ныли от холода. В прежние месяцы она без конца перевязывала, переносила, отмывала и считала, будто всё, чего не хватило другим, обязана восполнить собственными силами. Теперь рядом не было ни больничного начальника, ни хозяина, ни приказа. Но привычка брать на себя лишнее оставалась, и от свободы сама не исчезала.

— Что считаешь? — спросил Лекс.

— Сколько глупостей вы успеете сделать до Механоса.

— Есть прогноз?

— Не хватит страниц.

Он протянул ей флягу, но Айрин сначала проверила, сколько в ней осталось, и сделала только несколько глотков. Лекс наблюдал за этим с таким выражением, будто собирался спросить, почему она экономит на себе. Не спросил. Только забрал флягу, закрыл и убрал так, чтобы её можно было достать на следующем подъёме без остановки всего отряда.

Механос пока был для них словом на карте. Им понадобятся крыша, работа, законное право продавать свой труд и люди, которые не станут первым делом выяснять, от кого они сбежали. Айрин не обольщалась: город, где платят за умение, может быть ничуть не добрее места, где за него бьют. Просто правила там другие, а чужих правил они ещё не знали.

Кор-Дум иногда называл врачевание ремеслом, хотя всякий раз добавлял, что предпочёл бы иметь дело с металлом: железо, по крайней мере, редко спорит с тем, кто его чинит. Айрин отвечала, что с металлом ему просто везёт. Сейчас, глядя на Зураба, она думала о другом: у человека нельзя заменить повреждённую часть, забыв спросить, сколько боли он способен вынести сегодня и что понадобится ему завтра.

— Пора, — сказал Кор-Дум, поднявшись.

Зураб встал осторожно, опираясь на посох. Айрин подождала, пока он сделает несколько шагов, и убедилась, что хромота не стала сильнее. Лекс проверил направление по своей карте; над следующим отрогом тропа уходила в туман, и дальше различить её было невозможно.

Айрин убрала тетрадь под плащ. Там оставались записи, которые однажды могли пригодиться другим людям, но сейчас ей требовалось совсем немного: чтобы спутники не торопились, чтобы у них хватило воды до следующего источника и чтобы никто не пытался доказать свою выносливость ценой чужого сна.

Она первой ступила на узкую тропу, оглянулась и дождалась, пока остальные двинутся следом.

За их спинами закрытая дверь Старого Города уже скрылась среди скал. Перед ними ещё не было видно ни Механоса, ни караванных дорог, ни тех, кто мог оказаться союзником или врагом.

Но дорога, в отличие от подземного механизма, не требовала, чтобы её сначала запустили.

Нужно было идти — и учиться останавливаться вовремя.

Акт I. Сталь и тени

Глава 1. Восстание теней

Месяц Нарвион, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

Вэл’Шан не любил отчёты, написанные людьми, которые слишком старались понравиться начальству.

Они почти всегда начинались одинаково: «исполнение поручения осложнено непредвиденными обстоятельствами», «сопротивление оказалось выше ожидаемого», «свидетели дают противоречивые показания». Чем длиннее вступление, тем чаще в конце обнаруживалась простая вещь — исполнитель потерял людей, деньги или след и теперь пытался сделать так, чтобы неудача выглядела природным явлением.

На столе лежало семь таких документов.

Вэл'Шан читал их не по порядку поступления. Сначала раскладывал по источникам.

Рабский рынок.

Мастерская Кор-Дума.

Кристаллические поля.

Городская стража.

Наёмники.

Старые шахты.

Дорожные проводники.

Только после этого начинал сопоставлять совпадения, противоречия и то, о чём каждый источник предпочитал молчать.

Из рыночных записей следовало немногое. Человек, записанный как Лекс, появился без подтверждённого происхождения, показал нулевой магический фон и был продан дворфу Кор-Думу вместе с молодой человеческой женщиной. Сотрудник, проверявший фон, спустя несколько месяцев уверенно помнил лишь то, что показатель был «необычно чистым». Вэл'Шан поставил рядом пометку: память после разговора с магистром ненадёжна.

Отчёт Кристаллических полей был полезнее. Там существовали конкретные записи смен, распоряжения о переводе человека к древнему пульту и медицинская отметка после обморока. Свидетели расходились в описаниях света, звуков и времени, однако сходились в одном: после контакта с устройством Лекс потерял сознание, а прибор, который до этого считался неработающим, на короткое время изменил состояние.

Это был факт, а не легенда.

Вэл'Шан провёл ногтем по полю бумаги.

Следующий лист касался его собственного визита в мастерскую Кор-Дума. Здесь записывать было нечего: эту часть он помнил сам. Реакция человека на диагностическую магию, отсутствие привычного отклика, вопросы, которые тот задавал не так, как задавали местные мастера. Никакого доказательства того, что Лекс понимал устройство Древних полностью, не было. Зато было достаточно доказательств, что рядом с механизмами он замечал закономерности, которые другие не видели.

Поэтому его следовало получить живым.

Мёртвый объект отвечал только на вопросы о строении тела. Живой позволял изучать реакции и усталость, находить пределы возможностей, наблюдать обучение и ошибки, проверять повторяемость результатов.

Вэл'Шан не испытывал к человеку жалости. Жалость вообще была плохим инструментом исследования.

Отчёт городской стражи сообщал о нападении на мастерскую, погибших и последующем исчезновении Кор-Дума, его сына Грыма, двух людей и женщины. Через западные ворота группа официально не проходила. Однако в ту же ночь один из угольных возчиков потерял почти два часа на объезд и позже, уже после допроса, вспомнил о пяти фигурах возле старой дороги.

Пять.

Вэл'Шан отметил число.

Отчёты наёмников содержали больше крови, чем сведений. Те, кто вернулся, утверждали, что беглецы использовали неизвестные устройства, стреляли из оружия Древних и едва

ли не управляли самой горой. Допрос по отдельности быстро разрушил эту картину. Один видел вспышку, другой — металлический предмет, третий слышал выстрелы, которых, по его же словам, было меньше десяти. Никто не мог описать оружие одинаково.

У страха всегда богатое воображение.

Шахтные проводники нашли следы у старых выработок, но не нашли тел. Один проход был частично завален, в другом обнаружились следы костра и кровь. Кому принадлежала кровь, никто не установил. Два человека, отправленные глубже, вернулись через сутки и отказались повторять попытку без двойной платы.

Вэл'Шан отложил отчёт.

— Что из этого следует? — спросил он.

Секретарь, стоявший у края стола, ответил не сразу.

Молодой эльф служил у него меньше года и уже научился главному: магистр спрашивал не для того, чтобы услышать собственные слова из чужого рта.

— Что беглецы могли погибнуть в старых шахтах.

— Могли.

— Но тел нет.

— Верно.

— Следовательно, считать их погибшими нельзя.

— Уже лучше.

Секретарь перевёл взгляд на карту.

— Если они вышли с другой стороны гор, ближайший крупный город — Механос.

— И несколько десятков малых поселений, три караванных дороги, заброшенные крепости, рудные тропы, подземные ходы, которые не нанесены на нашу карту, и земли, где никто не обязан сообщать нам имена ночующих.

— Значит, Механос — только наиболее очевидная гипотеза.

— Именно.

Вэл'Шан тонким пером очертил вокруг города круг, не касаясь самого знака.

— Не искать человека там, где нам хочется его найти. Искать следы, которые он вынужден оставлять.

— Еда. Ночлег. Лечение.

— Инструменты. Редкие материалы. Сведения о древних механизмах. И люди, которые внезапно начинают спрашивать то, о чём вчера не спрашивали.

Секретарь записал.

— А Грым?

Вэл'Шан провёл пальцем по строке с именами.

— В мастерской его видели до побега. После старых шахт — ни одного надёжного свидетельства. Не вычёркивать. Но и не считать частью текущей группы без подтверждения.

— Женщина Айрин?

— Отдельно.

— Почему?

— Потому что неизвестный человек с необычными способностями привлекает охотников. Женщина рядом с ним может привлечь совсем других людей.

Секретарь не понял, но уточнять не стал.

Вэл'Шан сложил документы в две стопки: факты и предположения.

Во второй оказалось больше.

Это его не раздражало. Неизвестность сама по себе не была проблемой. Проблемой становилась уверенность, возникшая без оснований.

Прежде чем идти к Наместнику, Вэл'Шан проверил два самых удобных свидетельства лично.

Первым привели бывшего надсмотрщика с Кристаллических полей. Тот вошёл уверенно, но, увидев на столе журнал смен, сразу перестал смотреть магистру в глаза.

— Вы писали, что человек «управлял пультом без касания», — сказал Вэл'Шан.

— Да, господин магистр. Все видели.

— Все — это кто?

— Рабочие. Надсмотрщики.

— Имена.

Мужчина замялся.

Вэл'Шан не повысил голос. Просто развернул журнал так, чтобы свидетель видел нужную строку.

— В тот день на участке было три надсмотрщика. Один умер позднее от лихорадки. Второй сообщил, что стоял у водной канавы и самого момента не видел. Остаётесь вы. Какие ещё надсмотрщики входят в ваше «все»?

— Рабочие говорили…

— Уже лучше. Значит, об управлении без касания вы знаете с чужих слов. Сами видели только последствия. Что именно?

Ответ оказался куда скромнее: Лекс стоял возле панели, свет на ней изменился, а затем человек упал. Всё.

Вэл'Шан записал именно это.

— Вы можете идти.

Надсмотрщик побледнел.

— Я не лгал, господин.

— Вы пересказывали чужую уверенность как собственное наблюдение. Для большинства начальников это одно и то же. Для меня — нет.

Вторым был выживший наёмник из тех, кого посылали к мастерской. Его левая рука висела на перевязи, а на шее оставался след ожога. Он вошёл злым и сразу потребовал оплату за повторный допрос.

— Вам уже заплатили за работу, — сказал Вэл'Шан.

— За работу. Не за то, чтобы меня таскали по кабинетам.

Магистр подвинул к нему серебряную монету.

— Тогда купим точность.

Мужчина замолчал.

— Сколько было беглецов в комнате, когда начался бой?

— Четверо. Нет, пятеро. Дворфы двое. Два человека-мужика. Девка.

— «Девка» использовала оружие?

— Нож. Потом что-то бросила.

— Что именно?

— Не видел.

— Хорошо. Сколько выстрелов из неизвестного оружия вы слышали?

Наёмник подумал.

— Три. Может, четыре.

— В первом отчёте вы написали «непрерывный огонь».

— Там шум был.

— Поэтому сейчас вы говорите «три, может, четыре».

Дальше показания стали полезнее: один дворф держал проход, молодой двигался хуже после ранения, а кузнец-человек работал топором. Лекс не размахивал магией и не убивал десятки людей — он использовал подготовленные устройства и пространство мастерской.

Вэл'Шан заплатил вторую монету только после того, как наёмник сам признал: часть истории о «неуязвимом колдуне» появилась уже в трактире.

Когда дверь закрылась, секретарь спросил:

— Вы верите ему?

— Я верю совпадениям между независимыми показаниями. Всё остальное проверяется.

— Тогда объект менее опасен, чем слухи?

— Напротив. Чудовище из слухов удобно: его можно списать на панику. Человек, который умеет обратить себе на пользу всё вокруг, использует чужое мастерство и учится на ошибках, опаснее для системы, чем одиночный колдун.

Секретарь перестал писать.

— Потому что этому можно научить других?

Вэл'Шан ответил без паузы:

— Именно.

* * *

Наместник Аэрилон принимал его после полудня.

В верхних залах Стального Шпиля даже зимой было тепло. Живые панели вдоль стен поддерживали ровную температуру, вода текла по узким каналам в полу, а свет падал сверху без единого видимого источника. Для большинства посетителей всё это служило напоминанием о власти Высших. Вэл'Шан видел другое: систему, которую нынешние владельцы обслуживали хуже тех, кто её построил.

Аэрилон сидел не на троне, хотя кресло за его столом было устроено так, чтобы никто не забывал о разнице в положении. Наместник был старше Вэл'Шана на несколько десятилетий и выглядел моложе человека лет сорока. Серебристые волосы лежали безупречно, одежда не имела ни одной лишней складки.

— Вы потеряли объект, — сказал он вместо приветствия.

— Я потерял подтверждённый маршрут объекта.

— Это звучит лучше только в отчёте.

— Поэтому я пришёл не с отчётом.

Аэрилон посмотрел на папку.

— А с чем?

Вэл'Шан положил перед ним три листа.

— Рынок. Кристаллические поля. Мастерская. Три независимых участка подтверждают аномальную реакцию человека на древние механизмы. Затем он исчезает вместе с мастерами и лекарем. Тел погибших не нашли.

— И вы хотите, чтобы я объявил розыск из-за того, что один раб оказался хорошим механиком?

— Нет. Я хочу, чтобы вы объявили розыск, потому что один раб пережил контакт с устройством, после которого другие люди теряют сознание без результата, а затем после вооружённого столкновения исчез вместе с группой, применявшей неизвестное оборудование.

Наместник прочёл первую страницу.

— Опасность для порядка?

— Потенциальная.

— Для Магистериума?

— Потенциальная.

— Для вас лично?

Вэл'Шан выдержал паузу.

— Научный интерес сам по себе не угроза.

— Удобная формулировка.

— Точная.

Аэрилон отложил лист.

— Вы хотите его живым.

— Предпочтительно.

— Почему?

— Мёртвый человек не обучается и не повторяет реакцию.

Наместник усмехнулся краем губ.

— Иногда вы напоминаете мне, почему Магистериуму не дают собственную армию.

— Иногда мне приходится напоминать властям, почему им нужен Магистериум.

Они помолчали.

Дружбы между ними не было, да и не требовалось. Интерес Аэрилона заключался в предсказуемости. Раб должен оставаться рабом, собственность — переходить по документам, оружие — находиться у зарегистрированных владельцев, город — платить налоги, а опасные исключения — либо получать место в системе, либо исчезать. Вэл'Шана интересовало другое: механизм, причина, возможность повторения.

В этом случае общих интересов хватало.

— Какую награду? — спросил Наместник.

— Достаточную, чтобы сведения приносили раньше, чем их успеют перепродать пять раз.

— Число.

— Тысяча золотых.

Аэрилон поднял бровь.

— За человека?

— За подтверждённую доставку Лекса. Живым — полная сумма. Если он погибнет при вооружённом сопротивлении, оплата только за доказательство личности и обстоятельств смерти, размер определит ваша канцелярия.

— Вы пытаетесь сделать убийство менее выгодным.

— Я пытаюсь сохранить объект исследования.

— Разумеется.

Аэрилон взял чистый лист.

— Спутники?

— Кор-Дум, дворф, мастер. Зураб, человек, кузнец. Айрин, человек, лекарь. Грым, сын Кор-Дума, числится пропавшим вместе с ними, но текущая принадлежность к группе не подтверждена.

— Обвинения?

— Не придумывайте преступления, которых мы не можем доказать.

Наместник посмотрел на него внимательнее.

— От вас я ожидал большего рвения.

— Ложное обвинение портит качество розыска. Люди начинают приносить то, за что платят, а не то, что видели.

— Хорошо. Беглые рабы, вооружённое сопротивление при задержании, возможное незаконное владение древним оружием. Этого достаточно.

— Для системы — да.

— И никакого «врага Высших Рас»?

— На каком основании?

Аэрилон усмехнулся.

— Вы удивительно скучны, Вэл'Шан.

— Это помогает жить долго.

Документ подготовили до вечера.

В приказе не было ни истерики, ни красивых слов — только имя, приметы, последние подтверждённые места, помета о предпочтительной доставке живым, разрешение применять смертельную силу при вооружённом сопротивлении и награда в тысячу золотых.

Этого оказалось достаточно, чтобы к следующему утру человек, которого не могли найти профессиональные поисковые группы, начал жить одновременно в десятках разных мест.

Приказ добрался до окраин не сразу. Утром писцы Стального Шпиля сделали заверенные копии для городской стражи и гильдий. Днём курьеры понесли их к караванным дворам. К вечеру переписчики уже снимали с копий собственные копии — дешевле, мельче и с ошибками.

В конторе наёмников служащий прочёл сумму вслух, и трое мужчин одновременно перестали спорить о предыдущем заказе.

— Тысяча?

— Живым.

— А если половину?

— Половину человека?

— Половину награды, умник.

— За мёртвого нет фиксированной.

Старший наёмник взял лист, прочитал приметы и вернул.

— Не наше.

— Почему?

— Потому что если власти дают тысячу за одного беглого механика, значит, в бумаге не написана половина работы.

Двое всё равно ушли искать карты.

В ремесленном квартале копию прибили возле доски заказов. Дворфов сперва интересовала не награда. Они обсуждали Кор-Дума.

— Тот самый?

— Если имя настоящее.

— Он бы не бросил кузницу ради пустой головы.

— Может, не бросил. Может, его утащили.

— Кор-Дума?

Несколько человек рассмеялись.

Молодой мастер перечитал описание Лекса.

— «Возможна работа с древними устройствами». Это что значит?

— Значит, писарь сам не понял, за что платят.

— А если правда умеет?

— Тогда тысяча — не самая интересная часть объявления.

Уже к ночи вокруг листа возникло два разных рынка. Одни искали человека, чтобы получить золото. Другие — чтобы купить у него работу раньше, чем его поймают.

Именно от второго рынка Вэл'Шан ожидал большего. Жадность охотника вела к цели прямо. Интерес мастера заставлял задавать правильные вопросы.

* * *

В трактире у восточных ворот рассказывали, что видели его сразу в трёх местах.

— В Красных горах, — уверял толстый купец, держа кружку обеими руками. — С отрядом орков. Сам видел человека, который видел.

— Значит, ты почти родственник очевидца, — сказал старый дворф у соседнего стола.

Купец покраснел.

— А ты что знаешь?

— Что если за одного мастера дают тысячу золотых, то через два дня он обязательно становится колдуном, убийцей семи магистров и сыном потерянного короля.

— Пятерых, — поправил кто-то.

— Уже пятерых? Утром было трое.

За дальним столом гоблин раскладывал на столешнице карты.

— Настоящие маршруты беглеца! — шептал он всем, кто соглашался слушать. — Только сегодня, два серебряных! Через старые шахты, мимо мёртвого города, прямо к тайному убежищу!

Старый дворф подозвал его пальцем.

— Покажи.

Гоблин расплылся в улыбке и подал самую грязную карту.

Дворф посмотрел.

— Здесь река течёт в гору.

— Секретный древний канал.

— А это что?

— Тайный проход.

— Это винное пятно.

— Очень тайный.

Дворф положил медяк.

— За бумагу.

— Два серебряных!

— Тогда забирай обратно.

Гоблин схватил медяк и исчез прежде, чем покупатель передумал.

— Зачем тебе эта дрянь? — спросил сосед.

Дворф развернул лист чистой стороной.

— Записывать.

— Что?

— Слухи, которые хоть чем-то похожи на правду.

Он уже слышал имя Кор-Дума.

Не сегодня. Ещё лет пятнадцать назад, на ярмарке мастеров, когда тот спорил о закалке кромки с двумя кузнецами сразу и умудрился разозлить обоих. Если такой дворф действительно ушёл вместе с человеком, за которого теперь назначили тысячу, старого мастера интересовала не награда.

Интересовало, что Кор-Дум увидел такого, ради чего оставил мастерскую.

На обороте фальшивой карты появилась первая запись: «Кор-Дум — подтвердить».

* * *

К вечеру копия розыска попала в руки Эрвина.

Он прочёл её стоя, потому что человек, принёсший лист, не собирался задерживаться. Подвал под красильней был слишком тесным для долгих разговоров: низкий потолок, запах мокрой шерсти, один стол и два выхода, один из которых вёл вовсе не на улицу.

— Откуда? — спросил Эрвин.

— Через писаря городской стражи. Копия настоящая.

— Сколько рук прошла?

— Три, если мне не соврали.

— Значит, не меньше пяти.

Он прочёл имена ещё раз.

Лекс.

Кор-Дум.

Зураб.

Айрин.

На последнем имени палец остановился.

— Что? — спросила женщина у стены.

Эрвин помедлил с ответом.

Айрин было распространённым именем. Не настолько, чтобы встречаться в каждой деревне, но достаточно, чтобы одно слово ничего не доказывало. Женщина подходящего возраста, лекарь, находившаяся в рабстве в Стальном Шпиле, могла оказаться кем угодно.

Он взял отдельный лист.

Написал: «Айрин — не подтверждено».

— Подними записи рынка, — сказал он.

— Какие именно?

— Продажа этой партии. Кто оформлял, кто покупал, откуда поступили. Без прямого запроса от нашего имени.

— Думаешь, это она?

— Думаю, что не знаю.

— Если она…

— Тогда тем более не подходить.

Женщина нахмурилась.

— Эрвин.

— Не подходить, — повторил он. — Если за группой уже идут люди Магистериума, любой слишком быстрый интерес станет указателем. Сначала подтвердить.

Он разложил карту южных дорог.

— Второе. Кто спрашивает путь к Механосу и кто покупает старые горные карты после объявления награды.

— Хочешь найти Лекса раньше эльфов?

— Хочу понять, кого ищут все остальные.

— Разница?

— Огромная.

Он снова посмотрел на имя Айрин.

Когда-то девочка с таким именем бегала по внутреннему двору Ингрии и злилась, если взрослые говорили о политике при ней так, будто она не слышит. Но между той памятью и этим листом лежали годы, рабство, мёртвое королевство и слишком много людей, которым хотелось верить в возвращение того, кого они потеряли.

Вера была плохим способом проверки личности.

— Если подтвердится? — спросила женщина.

Эрвин сложил приказ.

— Тогда решим, как не погубить её попыткой помочь.

Эрвин не ограничился рынком. На следующий день ему принесли выписку из старого реестра продаж. Бумага была неполной: часть граф закрывала канцелярская печать, а копировавший писарь явно спешил. Но строка существовала. Женщина по имени Айрин, возраст приблизительный, продана одним лотом с неизвестным человеком дворфу Кор-Думу.

Этого всё ещё было мало.

— Что ещё? — спросил Эрвин.

— Описание. Пепельные волосы. Серые глаза.

Женщина напротив него выдохнула.

— Это она.

— Нет.

— Эрвин…

— Это похоже на неё.

Он произнёс каждое слово раздельно.

— Если я напишу людям «мы нашли Айрин», через день половина подполья начнёт двигаться к Механосу. Ещё через день Магистериум спросит, почему. Поэтому пока запись остаётся такой же.

Он перевернул лист. Там по-прежнему стояло: «Айрин — не подтверждено».

— Что будет подтверждением?

Эрвин перебрал в памяти то, что нельзя было узнать из придворных списков.

Не родовой знак — его можно описать и подделать. Не имя матери — его знали слишком многие при дворе. Нужна была память, не имевшая ценности для чужих.

— В детстве она однажды спряталась в оружейной кладовой во время приёма послов, — сказал он. — Все искали её два часа. Когда нашли, она сидела под стойкой и спорила с оружейником, почему у двух одинаковых мечей разный баланс.

Женщина улыбнулась.

— Это подтверждение принцессы?

— Это подтверждение девочки, которую я знал. Мне важнее.

— Передать вопрос?

— Нет. Никаких вопросов, пока не установим безопасного посредника.

— Боишься спугнуть?

— Боюсь убить.

Он провёл пальцем по копии розыска.

— Если это она, у неё уже достаточно людей, которые хотят использовать её имя. Я не стану ещё одним.

* * *

Через пять дней на столе Вэл'Шана лежало двадцать семь сообщений.

Двадцать три он отложил после первого чтения.

Лекс одновременно оказался в порту, в степном караване, в монастыре Кователя, в подпольной арене, на дворфийской свадьбе и в тюрьме города, где его никогда не видели. Один охотник прислал прядь волос «беглого раба», не заметив, что волосы были зелёными. Другой требовал аванс за точные координаты, но координаты указывали на озеро.

Остались четыре.

Первое: мастер на южной дороге расплатился ремонтом тележного тормоза и спрашивал безопасный путь к Механосу. Описание дворфа подходило Кор-Думу приблизительно.

Второе: лекарка без гильдейского знака перевязала руку мальчику в маленьком посёлке и ушла с тремя мужчинами. Возраст и волосы совпадали с Айрин.

Третье: торговец солью продал необычно малую дорожную партию группе из четырёх — дворф, двое мужчин-людей и женщина. Один из мужчин заметно хромал.

Четвёртое: в Механосе кто-то через посредника спрашивал цены на ремонт древнего механизма и одновременно искал жильё, где не требуют подробных документов.

По отдельности эти сообщения ничего не доказывали.

Вместе они давали направление.

Вэл'Шан поставил на карте четыре отметки.

— Первая группа — свидетели, — сказал он секретарю. — Проверить тележника, лекаря, торговца. Не спрашивать «видели ли Лекса». Пусть сами описывают людей.

— Вторая?

— Дороги и записи. Покупки, ночлег, ремонт. Всё, за что пришлось платить или работать.

— Третья — Механос?

— Наблюдение возле входов, рынков древних деталей и посредников. Никаких попыток захвата без подтверждения личности.

Секретарь записывал быстро.

— В старые шахты никого?

— Мы уже потеряли там время. Если след ведёт к Механосу, бессмысленно доказывать, что человек когда-то прошёл через гору.

Вэл'Шан взял следующий лист.

Сообщение касалось не Лекса.

Писарь невольничьего рынка докладывал, что неизвестный через третье лицо пытался получить старую запись о продаже человеческой женщины по имени Айрин. Запрос был аккуратным. Слишком аккуратным для охотника за наградой.

— Кто запросил? — спросил Вэл'Шан.

— Посредник не знает. Или говорит, что не знает.

— Не арестовывать.

Секретарь поднял глаза.

— Магистр?

— Если его арестовать, тот, кто стоит дальше, исчезнет. Наблюдать.

— Это может быть связано с Лексом.

— Может.

Вэл'Шан взял чистый лист и написал новый вопрос: «Кто и зачем ищет женщину из группы Лекса?»

Вопрос был хорош именно потому, что ответа у него не было.

Перед тем как распустить служащих, Вэл'Шан заставил каждого повторить собственную задачу вслух. Не ради дисциплины — ради обнаружения различий между тем, что он сказал, и тем, что люди услышали.

Первый помощник должен был проверить дорожные записи и ночлеги. Он повторил почти точно.

Второй отвечал за рынок Механоса и добавил от себя: «искать людей, которые интересуются древними артефактами».

— Нет, — остановил его Вэл'Шан. — Так вы найдёте половину города. Ищите необычное сочетание: древние механизмы, жильё без документов, медицинские расходы и мастерские, где внезапно начинают спрашивать о нестандартной диагностике.

Третий собирался работать с охотниками за наградой.

— Им сообщать всё?

— Только то, что уже находится в публичном приказе.

— Но если они найдут след…

— Тогда мы купим след. Не отдавайте охотнику сведения, которые позволят ему обойти нас.

Секретарь поднял голову.

— То есть вы не хотите, чтобы они поймали Лекса сами?

— Я не хочу, чтобы человек, способный взаимодействовать с древними устройствами, оказался в руках того, кто первым решит, что тысяча золотых недостаточна и можно продать его дороже.

— Кому?

Вэл'Шан перечислил без выражения: частным исследователям, чужим домам, коллекционерам, военным мастерским, культам, торговцам запрещёнными артефактами.

— Награда создаёт движение. Движение создаёт шум. Наша задача — читать шум быстрее тех, кто его производит.

Когда все ушли, он остался перед картой. Вэл'Шан не считал Лекса равным себе и не собирался романтизировать его бегство. Человек оставался объектом, редким и потенциально полезным. Но объект, вокруг которого начинают принимать самостоятельные решения мастера, беглые рабы, подпольщики и торговцы, постепенно перестаёт быть только объектом.

Это не нравилось магистру больше всего.

Не потому, что он боялся восстания завтра. Массовое восстание без снабжения, структуры и союзов подавлялось быстро. Опаснее было другое: если несколько раз подряд окажется,

что человек может отказаться, выжить и заставить других учитывать этот отказ, сама привычка к покорности начнёт давать трещины.

Вэл'Шан не называл это свободой. Для него это было изменением поведения системы.

А любое изменение поведения требовало изучения до того, как оно станет необратимым.

К ночи он снова остался один.

На полях приказа Вэл'Шан оставил ещё одну короткую пометку: «Не путать отсутствие подтверждения с отсутствием события». Эта ошибка попадалась ему не реже, чем противоположная. Одни подчинённые превращали слух в факт, другие, испугавшись неточности, выбрасывали всё, что нельзя доказать сразу. Между этими крайностями и находилась работа, ради которой он считал себя полезнее большинства чиновников Стального Шпиля.

Лекс мог быть мёртв, находиться в Механосе или уйти совсем другим путём; пока все три возможности оставались открыты. Поэтому Вэл'Шан не выбирал удобную версию, а строил поиск так, чтобы каждая следующая проверка уменьшала число вариантов.

Карта на стене не светилась, не указывала цель и не отвечала на мысли. На ней были только дороги, города и сделанные рукой отметки. Лекс не горел для него маяком за горами. Вэл'Шан не чувствовал его присутствия и не мог знать, что происходит в Старом Городе или Механосе.

Зато мир вокруг беглеца оставлял следы.

Людям требовалась еда, раненым — лечение, мастерам — материал, путникам — крыша, а тем, кто чего-то боялся, — посредники.

И чем больше человек менял мир вокруг себя, тем больше других людей начинали двигаться.

Вэл'Шан провёл линию от последней подтверждённой дорожной точки к Механосу и остановил перо перед городской отметкой.

Не факт.

Пока только гипотеза.

Он оставил линию незаконченной.

На краю карты Вэл'Шан поставил маленькую точку у Механоса и рядом — вопросительный знак. Не знак цели, а напоминание самому себе. Если через неделю доказательств не появится, точку придётся стереть без сожаления. Исследователь, который влюбляется в собственную гипотезу, рано или поздно начинает подгонять под неё мир. Вэл'Шан слишком презирал такую работу, чтобы позволять её себе.

Глава 2. Город машин и теней

Месяц Халдир, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

Механос показался не сразу.

Сначала дорога поднялась между двумя серыми отрогами, где ветер всю ночь забивал мелкую каменную пыль в швы одежды. Потом исчез лес. Ещё через час впереди проступил дым — не одна полоса над костром и не редкие трубы поселения, а широкая мутная завеса, висевшая над целой долиной.

Лекс остановился на перевале.

Внизу лежал город.

Он не был похож на Стальной Шпиль. Там всё стремилось вверх, подчёркивая власть: башни, мосты, стены, шпили. Механос расползался по долине слоями. Каменные кварталы соседствовали с металлическими надстройками, паровые трубы пересекали улицы над крышами, краны двигались возле складов, а по центральному каналу медленно тянулись плоскодонные грузовые баржи. На дальнем склоне вращалось огромное колесо, приводившее в движение неизвестный механизм, и даже отсюда доносился глухой ритм молотов.

— Пахнет работой, — сказал Кор-Дум.

Зураб опёрся на посох и поморщился.

— Пахнет углём, нечистотами и горячим маслом.

— Я и сказал — работой.

Айрин сняла капюшон. Ветер растрепал пепельные волосы.

— Сколько до ворот?

— Если дорога не решит снова стать скалой, к полудню будем там, — ответил Лекс.

Последний месяц научил его осторожнее обращаться со словом «будем».

Из Старого Города они вышли с тридцатью одной стандартной порцией еды на четверых. Даже при жёстком режиме этого не хватало на весь путь, и уже на шестой день стало ясно: либо они начнут зарабатывать по дороге, либо придётся выбирать между скоростью и голодом.

Первым работу нашёл Кор-Дум. У возчика на каменистой дороге перегрелась ступица и лопнул тормозной рычаг. Дворф осмотрел железо, назвал цену ещё до того, как хозяин успел пожаловаться на бедность, и два часа правил деталь прямо у костра.

За работу получили два серебряных, мешок крупы и кусок соли.

На следующий день Зураб, сидя на перевёрнутом ведре, перековал треснувшую скобу у водяной телеги. Он всё ещё хромал и после долгого перехода вечером подкладывал под ногу свёрнутый плащ, но руки работали как прежде. Лекс помог местному мастеру с ручным насосом — не потому, что знал конструкцию, а потому, что заметил: после каждого пятого хода рукояти давление пропадает одинаково. Мастер разобрал клапан и нашёл надорванную кожаную прокладку.

— Ты знал? — спросил он.

— Предположил.

— Удобное слово.

— Оно дешевле ошибки.

Айрин заработала еду иначе. В маленьком посёлке мальчишка рассёк ладонь о ржавую проволоку. Лекаря там не было, и женщина, назвавшаяся тёткой, сначала предлагала хлеб, потом деньги. Айрин взяла только плату за чистую ткань и настой, которые потратила сама. Остальное мальчишкина семья всё равно сунула Кор-Думу перед уходом — половину копчёной птицы и две лепёшки.

Дорога съедала не только еду. Подошвы стирались, ремни намокали и растягивались, соль уходила быстрее, чем рассчитывали, потому что Зурабу после тяжёлого дня требовалось больше пить. Один раз пришлось отдать три медяка за место под навесом, когда дождь сделал открытый склон непроходимым; ещё две меди ушли на овёс для чужого мула, который полдня тащил часть груза, пока нога кузнеца не перестала так сильно опухать.

Айрин записывала и это.

— Мы не берёмся чинить всё подряд, — сказала она вечером у костра. — Только то, что умеем сделать как следует. И лишнего заказчику не обещаем.

— И хорошо, — ответил Кор-Дум. — Кто умеет чинить всё, обычно дорого обходится окружающим.

Лекс приподнял бровь.

— Это опять про меня?

— Если узнал себя — значит, не зря сказал.

После Старого Города такие разговоры звучали иначе. Раньше Лекс мог бы услышать в них недоверие. Теперь слышал границу компетенции, которой местные мастера дорожили не меньше инструмента.

К началу Халдира у группы оставалось девять серебряных монет, горсть меди и достаточно еды, чтобы не входить в Механос с пустыми мешками.

— Деньги общие, — сказал Лекс, когда они считали перед последним подъёмом.

Кор-Дум хмыкнул.

— Общими деньги бывают до первого рынка. Потом выясняется, что кому-то жизненно нужен новый инструмент, кому-то лекарства, а одному земному инженеру — сломанная железка, потому что «интересно посмотреть».

— Это была полезная железка.

— Она до сих пор лежит у тебя в сумке и не работает.

Айрин протянула ладонь.

— Значит, деньги буду записывать я.

— Вот, — сказал Кор-Дум. — Уже разумный человек нашёлся.

* * *

У городских ворот никто не спрашивал, свободны ли они.

Спрашивали, чем занимаются, что несут и намерены ли торговать.

Очередь двигалась через три окна. За первым писарь записывал имена и ремесло, за вторым проверяли крупные вещи, за третьим взимали сбор. Дворфийский инспектор был настолько широк в плечах, что казалось, сам проём строили вокруг него.

— Кор-Дум?

— Мастер.

Писарь поднял глаза.

— Какой?

— Достаточно хороший, чтобы не писать весь список на твоей бумаге.

— Значит, «ремесленник».

— Пиши «мастер».

— В нашей форме такого пункта нет.

Кор-Дум наклонился к окошку.

— Тогда у вашей формы плохой мастер.

Писарь посмотрел на очередь за ними и вписал: «ремесленник».

С Айрин разговор затянулся.

— Лекарь?

— Да.

— Лицензия Механоса?

— Нет.

— Гильдейская печать другого города?

— Нет.

— Тогда за деньги лечить не можете. Запишу «травница, медицинский помощник».

Айрин хотела возразить, но лишь спросила:

— Где получить лицензию?

Писарь впервые посмотрел на неё с интересом.

— Дом ремесленных палат, северный ряд. Экзамен, поручитель или подтверждение службы.

— Сколько стоит?

— Зависит от категории.

Она запомнила.

Зураба записали ремесленником. Лекса — механиком.

— Инженер, — сказал он по привычке.

— Нет такой городской категории.

— Тогда механик.

Проблемой стала винтовка.

Она лежала в длинном кожаном чехле, который Кор-Дум сшил из двух старых дорожных сумок. Инспектор постучал пальцем по корпусу.

— Что?

Лекс сказал только часть правды.

— Древний измерительный инструмент. Сложный. Личный.

— Оружие?

— Может повредить человека при неправильном использовании.

Кор-Дум тут же подхватил:

— Молот тоже может.

Инспектор не стал открывать чехол сам.

— Древнее устройство — пошлина. Если продаёшь, отдельная регистрация. Если носишь открыто и оно стреляет — городская стража заберёт до разбирательства.

Лекс заплатил сбор. Две гранаты лежали отдельно, глубоко в сумке; их назначение на входе никто не установил, а Лекс не собирался доставать предметы, которые сами инспекторы не просили показывать.

У ворот пришлось открыть и дорожный мешок. Инспектор считал не вещи, а категории: пища для собственного употребления, инструменты, лекарственные травы, предметы для торговли. Когда Айрин показала сушёные корни и бинты, он отдельно предупредил, что продажа готовых лекарств без городской отметки будет считаться торговлей, даже если она назовёт их «подарком за пожертвование».

— А если я просто помогу человеку и ничего не возьму?

— Тогда это ваше дело.

— Если он потом принесёт еду?

— Если заранее не договаривались — его дело. Если договаривались — торговля.

Айрин повторила правило вслух, чтобы запомнить.

Кор-Дум тем временем спорил о пошлине на набор сменных головок. Он доказывал, что это инструмент, инспектор — что часть набора выглядит как готовые детали для продажи. В конце концов дворф высыпал всё на стол и заставил чиновника указать, какую именно деталь тот предлагает кому-то продать. Пошлину сняли.

— Хороший город, — сказал Кор-Дум, когда они отошли. — Здесь даже спорить надо по правилам.

— Тебе нравится?

— Мне нравится, когда глупость можно победить квитанцией.

Отойдя от ворот, Айрин сразу внесла уплаченную пошлину в свою ведомость.

— Теперь восемь серебряных с медью.

— Уже меньше, — сказал Зураб.

— Мы ещё ничего не купили, — добавил Лекс.

— Именно это меня и беспокоит.

Механос не обращал на них внимания.

После Стального Шпиля уже одно это казалось непривычным. По одной улице шли дворф с тремя человеческими грузчиками, гоблин в ярком жилете, две орчихи с корзинами железного лома и эльф, который выглядел так, будто ненавидит весь квартал, но всё равно здесь торгует. Никто не останавливался, увидев смешанную группу. Люди смотрели на товар, на сапоги, на кошельки и на то, кто кому уступает дорогу.

— Здесь не спрашивают, кто ты, — сказал Кор-Дум после часа блужданий.

— Спрашивают, сколько у тебя денег, — ответила Айрин.

— Это честнее.

— Не всегда.

Первое жильё стоило четыре серебряных за неделю и требовало залога ещё в два.

Второе — два с половиной, но хозяин хотел документы от прежнего нанимателя и поручителя.

Третье оказалось настолько сырым, что Айрин вышла после одного взгляда на чёрную плесень у потолка.

— Там люди живут, — сказал Лекс.

— Недолго, если будут продолжать.

К вечеру они добрались до «Медного котла» — небольшого постоялого двора в рабочем квартале. Название объяснялось просто: над дверью висел старый медный бак, пробитый в трёх местах и превращённый в вывеску.

Хозяйку звали Маврой.

Она оценила их ещё до приветствия.

— Два помещения. Маленькие. Один серебряный и четыре меди за неделю каждое. Вода во дворе. Горячая отдельно. Готовите сами. Драки — на улице. Кровь на полу — уборка за ваш счёт.

— Дорого, — сказал Кор-Дум.

— Тогда спите на улице бесплатно.

Из стены за стойкой капнуло.

Мавра даже не повернулась.

Через несколько секунд капнуло снова.

Кор-Дум посмотрел вверх.

— У тебя бак течёт.

— Третий день.

— Через два прорвёт шов.

— Мастер сказал, менять половину трубы.

Кор-Дум поставил сумку.

— Мастер был ленивый.

Через час выяснилось, что течёт не труба, а старая прокладка под прижимным кольцом. Подходящего материала у Кор-Дума не было, зато Зураб нашёл в хозяйственном ящике Мавры кусок плотной промасленной кожи. Лекс держал лампу, Кор-Дум подгонял кольцо, Зураб вырезал новую прокладку, а Айрин заставила Мавру перекрыть горячую воду до конца работы, несмотря на её возражения.

Течь остановилась.

Мавра потрогала сухой стык.

— Полцены за неделю.

Кор-Дум выдержал паузу.

— И два больших таза горячей воды в день.

— Один.

— Два.

— Один и маленький.

— Идёт.

Так у них появилось первое жильё в Механосе.

Это был не подарок и не убежище союзника: часть платы за неделю они внесли деньгами, остальное отработали ремонтом.

В первый вечер в «Медном котле» они устроили собственную инвентаризацию. Не из недоверия друг к другу — после дороги вещи слишком легко начинали существовать «где-то в мешке».

Айрин разложила на столе деньги, записи и лекарства. Кор-Дум — инструменты. Лекс проверил чехол: доработанная винтовка, одна полная обойма — двадцать снарядов. Две гранаты оставались обёрнутыми отдельно, так, чтобы до них нельзя было добраться случайным движением. Защитный диск после боя в Старом Городе был цел, но почти разряжен и нуждался в проверке. Браслет показывал заряд и простые локальные параметры, ничего больше.

Зураб положил рядом свою обгоревшую куколку, только чтобы переложить её из дорожного мешка во внутренний карман. Никакой записи для неё Айрин не сделала.

— Почему? — спросил Малой позже, когда впервые увидел их список.

— Потому что не всё имущество измеряют ценой и количеством, — ответила она.

Этот разговор случился позже. В первый вечер в «Медном котле» их было только четверо, две тесные комнаты и первая за долгое время возможность закрыть дверь не каменной плитой древнего города, а обычным дешёвым засовом.

* * *

Первые три дня Лекс ничего не искал.

Это решение далось труднее, чем казалось.

Город был наполнен тем, ради чего он мог бы забыть осторожность: мастерские, лавки древних деталей, паровые механизмы, рынки кристаллов, доски объявлений, где половина работ звучала как инженерная задача. Но они пришли сюда не туристами.

Утром выходили по двое, меняли маршруты и записывали цены.

Койка в дешёвом общем зале — от четырёх медных за ночь.

Простая еда — две-три меди.

Нормальный обед с мясом — семь.

Заточка инструмента — от одной меди до серебряного, если мастер считал вещь «древней» и сразу начинал бояться ответственности.

Аренда отдельной мастерской стоила столько, что Кор-Дум выругался даже не торгуясь.

Айрин сходила к ремесленным палатам и вернулась с листом требований.

— Экзамен — три серебряных. Если без местного поручителя, ещё два. И пока его нет, я не имею права брать плату за лечение.

— Можешь лечить бесплатно? — спросил Зураб.

— Могу.

— Город умеет считать.

— Поэтому и существует.

На второй день Айрин сказала, что за ними следят.

Она не сделала этого на улице. Дождалась, пока дверь комнаты закроется.

— Серый плащ. Мужчина или высокая женщина, не уверена. Был у лавки канатов, потом возле моста. Не смотрит прямо.

— Один? — спросил Лекс.

— Видела одного.

На следующий день они проверили: Лекс и Кор-Дум прошли через рынок, сменили направление, задержались у кузницы и вернулись другой улицей. Серый плащ появился дважды, но ни разу не приблизился и не заговорил.

— Может быть охотник за наградой, — сказал Лекс вечером.

— Может быть обычный вор, — ответил Кор-Дум.

— Может быть человек, который следит не за нами, — добавила Айрин. — Пока знаем только, что он появляется рядом.

На третий день появился Малой.

Он сидел на бочке возле хлебной лавки и ел яблоко так старательно, будто именно ради этого пришёл в квартал. Лекс прошёл мимо, свернул за угол и остановился.

Через минуту мальчишка появился следом.

— Долго ещё? — спросил Лекс.

Малой вздрогнул, едва не уронив яблоко.

— Чего?

— Ходить за нами.

— Я не хожу.

— Второй день?

— Я…

Мальчишка замолчал.

Лекс присел на низкий каменный бордюр.

— Спасибо.

— За что?

— Теперь знаю, что первые два дня был ты. Значит, тот в сером сегодня — кто-то другой.

Малой выругался так искренне, что Лекс почти пожалел его.

— Клык меня убьёт.

— Не убьёт.

— Ты его плохо знаешь.

— Пока вообще не знаю.

— Вот именно.

Оказалось, Малого послал не сам Клык, а Шнырь — посредник, который собирал слухи, проверял новых людей и решал, стоит ли тратить на них время.

— Он сказал привести тебя, — пробормотал мальчишка.

— Меня одного?

— Сначала да.

— Тогда не пойду.

— Почему?

Лекс указал назад, где у лавки инструмента стояли Айрин и Кор-Дум, а Зураб сидел на скамье.

— Потому что мы пришли вместе.

Малой убежал передавать ответ.

Через час вернулся злой и запыхавшийся.

— Всех. Даже лекарку. Особенно лекарку, сказал.

— Уже лучше.

Шнырь работал в задней комнате часовой мастерской. Спереди старик с увеличительными линзами на глазах чинил пружины и не проявил к вошедшим никакого интереса. За перегородкой оказался человек лет пятидесяти, худой, с руками писаря и лицом, которое ничего не обещало бесплатно.

На столе лежала копия розыскного листа.

Лекс увидел цифру раньше собственного имени.

Тысяча золотых.

На несколько секунд в комнате стало слишком тихо.

— За живого полная сумма, — сказал Шнырь. — За мёртвого — как договорятся. При вооружённом сопротивлении разрешено убить.

Кор-Дум медленно выдохнул.

— Это много?

Шнырь посмотрел на него.

— За тысячу золотых некоторые люди продадут родную мать, а потом ещё поторгуются за сапоги.

— Чей приказ?

— Формально — власти Стального Шпиля. Внизу ходит имя магистра Вэл'Шана. Я не был рядом, когда он подписывал, поэтому говорю «ходит».

Айрин задержалась на этой формулировке: такая точность ей нравилась.

— Серый плащ? — спросила она.

— Не наш. Малой ходил первые два дня. Сегодня мы его сняли.

Малой насупился.

— Я сам снялся.

— Ты сам чуть не привёл к нам чужой хвост, — сказал Шнырь. — Это другое.

— Кто тогда второй?

— Если бы знал, продавал бы вам имя, а не вопрос.

Лекс посмотрел на розыскной лист.

— Зачем вы нас позвали?

— Клык решит.

— А ты?

— Я решаю, кого к нему не вести.

* * *

Клык оказался не главой тайной крепости и не разбойничьим князем.

Он принимал их на ремонтном дворе между двумя складами, где трое рабочих разбирали паровую лебёдку, а Шило спорил с кем-то из-за цены на канат. Мужчина, которого звали Клыком, был крепким, коротко стриженным и смотрел на людей так, будто сразу прикидывал, сколько они будут стоить ему в случае ошибки.

— Кор-Дум, — сказал он первым.

Дворф прищурился.

— Знакомы?

— Лично нет. Имя слышал. Ты однажды заставил торговца переделать пятьдесят осей за свой счёт.

— Они были с трещинами.

— Поэтому я и запомнил.

На Зураба Клык посмотрел дольше.

— Кузнец с полей?

— Был.

— Айрин. Лекарь без местной бумаги.

— Пока без местной бумаги, — уточнила она.

Клык усмехнулся.

— Вот это мне нравится.

На Лекса Клык посмотрел последним.

— А ты, значит, тысяча золотых.

— Сегодня скорее восемь серебряных и медь.

— Тем лучше. С золотыми людьми тяжело торговаться.

Вместо разговоров о защите и дружбе Клык указал им на стол.

На столе лежал древний механизм размером с большую кастрюлю. Корпус был помят с одного края, две рукояти отсутствовали, на боковой пластине виднелись следы чужого ремонта.

Шило, проходя мимо, сказал:

— Только не спрашивайте, кто его уронил.

Клык посмотрел на него.

— Я не спрашивал.

— Вот и правильно.

Механизм уже пытались чинить. Следы ремонта бросались в глаза даже без дара: новые винты не совпадали по цвету с корпусом, один рычаг стоял криво, под крышкой блестела свежая медь.

Лекс потуже затянул браслет и включил только измерение местного поля.

— Есть отклик. Слабый.

— Починишь? — спросил Клык.

— Не знаю.

— Дорогое слово.

— Дешевле взрыва.

Кор-Дум одобрительно хмыкнул.

Они начали не с включения, а с разборки внешних креплений. Зураб указал на треснувшую прижимную пластину. Кор-Дум нашёл следы старой замены рычага. Лекс, ненадолго открыв эфирное зрение, увидел только различие трёх частей устройства: одна совсем не отзывалась, вторая сохраняла слабую структуру, третья менялась, когда Кор-Дум шевелил кольцо.

— Тут три узла, — сказал он. — Может быть больше, но эти ведут себя отдельно.

— И что сломано? — спросил Клык.

— Пока знаю только, что один не отвечает вообще.

Зураб постучал ногтем по пластине.

— А эта не держит давление.

— Поставим медь? — предложил Лекс.

Зураб покачал головой.

— Смотри сюда. Старый металл рядом зелёный только у чужого ремонта. Родная пластина окисляется иначе. Медь тут уже ставили — и не от хорошей жизни.

Лекс выслушал и не стал спорить.

Подходящий материал нашёл один из рабочих Клыка. Вставку сделали временной, с явной отметкой, что это диагностика, а не окончательный ремонт.

При минимальном включении механизм не ожил целиком. Только узкое окно на корпусе засветилось и показало четыре неизвестных символа.

Больше ничего.

Клык смотрел на них так, будто ожидал большего.

— Переведёшь?

— Нет.

— А сделать, чтобы работало?

— Нужно знать, что оно вообще должно делать.

— Непрактичный ты волшебник.

— Я механик.

— Ещё хуже.

Айрин вмешалась:

— Сколько в Механосе обычно стоит диагностика такого устройства?

Клык повернулся к Айрин.

— Зависит от мастера.

— Средняя цена.

— Если мастер не врёт про чудо и выдаёт список неисправностей — от серебряного до трёх.

— Тогда сегодня вы получили диагностику, — сказала Айрин. — Не ремонт.

Клык рассмеялся.

— Хорошо. С тобой я тоже хочу работать.

Так появился первый настоящий договор.

Перед уходом от Клыка Айрин заставила Шныря ещё раз проговорить схему расчёта на примере. Если заказ стоит двенадцать серебряных, два ушли на материал, остаётся десять; из них треть получает Клык как посредник, остальное группа. Если материал дал заказчик, вычитать его второй раз нельзя. Если Клык нанял охрану без предварительного согласования, он не имеет права молча записать её в расходы группы.

— Ты всегда так торгуешься? — спросил Клык.

— Когда у меня мало денег — особенно.

— Умная привычка. Богатые обычно начинают читать договор после того, как подписали.

— Поэтому они богатые?

— Поэтому иногда перестают ими быть.

Шнырь записал формулировки без шуток. Для Лекса этот лист оказался почти таким же важным, как инструмент: впервые после рабского рынка они обсуждали не цену человека, а цену его труда — и могли уйти, если условия не устраивали.

Договорились о трёх пробных заказах без исключительного права. Группа могла отказаться от работы до начала ремонта, если риск или назначение устройства были непонятны; стоимость материалов входила в цену заказа и вычиталась до раздела долей, Шнырь вёл счёт, а Клык получал треть чистой суммы после подтверждённых расходов — за поиск заказов, проверку людей и получение платы.

— Что такое чистая сумма? — спросила Айрин.

Клык махнул Шнырю:

— Запиши ей всё подробно, а то потом скажет, что я украл лишнюю медь.

— Если украдёте, скажу.

— Поэтому и записывай.

Кор-Дум потребовал аванс.

— Шесть серебряных.

— Три.

— Шесть.

— Четыре.

— Тогда мы идём искать другого посредника.

— Пять.

Кор-Дум поднялся.

— Шесть, старый вымогатель, — сказал Клык. — Но из будущей доли.

— Конечно.

Они ударили по рукам. Айрин записала шесть серебряных отдельной строкой: аванс в счёт будущей доли группы, а не подарок и не комиссия Клыка.

Клык не обещал защиты.

На прямой вопрос Лекса он ответил:

— Я не гарантирую, что тебя не убьют. Я гарантирую, что сам не продам твой адрес за спиной, не приведу клиента прямо к постели и предупрежу, если хвост увижу первым. За остальное придётся заплатить. Ты ещё не показал, стоит ли твоя работа таких денег.

Лекс не стал торговаться с этой честностью.

Так было честнее прежних обещаний.

* * *

Серый плащ снова появился вечером.

На этот раз его заметил не Лекс и не Айрин, а Малой, который примчался в «Медный котёл» так быстро, что едва не сбил Мавру с тазом.

— Шнырь сказал уходить. Сейчас.

Мавра услышала.

— Кто?

— Ничего, — начал Лекс.

— Если у моего дома начнут ловить человека за тысячу золотых, это не «ничего».

Она не спрашивала, виноваты ли они. Просто открыла дверь кухни.

— Через двор. Потом прачечная, потом боковая улица. Мне не нужна драка у порога. За комнату деньги не возвращаю.

— Справедливо, — сказал Кор-Дум.

— И таз сегодня уже использовали.

— Даже не сомневался.

Новое жильё Клык предложил над своим ремонтным двором. Две маленькие комнаты с отдельной наружной лестницей, вода во дворе, общий очаг внизу.

— Два серебряных в неделю, — сказал он. — Половина сейчас. Новый замок за ваш счёт.

Из шести серебряных монет аванса одна ушла сразу. Ещё несколько медных — на еду. За хороший замок Кор-Дум заплатил отдельно и сам поставил его вечером.

Айрин записала каждую монету.

Когда все разошлись по комнатам, Кор-Дум остановился у окна. Ворот рубахи был расстёгнут, и Лекс снова увидел пустое место на шее.

Раньше там лежал фамильный молот.

Теперь — у Грыма.

— Вернёмся, — сказал Лекс.

Кор-Дум не обернулся.

— Не обещай, если сам не знаешь когда.

Лекс помолчал.

— Тогда будем работать так, чтобы суметь вернуться.

— Вот это уже можно обещать.

На следующее утро Клык принёс новый вариант розыскного листа.

Формулировка «предпочтительно живым» теперь была подчёркнута кем-то углём. Рядом чужой рукой стояло: «Вэл'Шан».

— Это его приказ? — спросил Малой.

— Это чья-то приписка, — ответила Айрин раньше остальных. — Не путай.

— Вот именно, — отозвался Клык.

— Слух-то всё равно ходит именно такой, — добавил он.

Малой изучал лист с явным восторгом, который плохо сочетался с содержанием.

— Ты чего улыбаешься? — спросил Шило.

— Тысяча золотых.

— За тебя дадут медяк, если будешь молчать.

— Я когда-нибудь найду такой артефакт, что мир изменится.

— Сначала научись не терять штаны в руинах.

— Я не терял!

— Пока.

Малой упрямо посмотрел на него.

— Я хочу, чтобы меня запомнили.

Шило перестал улыбаться всего на мгновение.

— Для начала постарайся, чтобы тебя запомнили за что-нибудь получше глупой гибели.

Клык хлопнул ладонью по столу.

— Всё, философы. Работа.

Следующий заказ был настоящим.

Древний насос. Двенадцать серебряных, если заработает. Три — если группа даст только диагностику и список того, что требуется. Стоимость материалов входит в общую цену и учи-

тывается по подтверждённым расходам. Срок — три дня. Владельца на месте не будет; доступ даст смотритель склада.

Кор-Дум первым спросил:

— Кто уже лазил внутрь?

— Двое мастеров.

— Что сломали?

— Один говорит — ничего.

— Значит, что-то сломал.

Зураб спросил, из чего сделан корпус. Айрин — как подтверждается приёмка. Лекс — есть ли у насоса отдельные накопители и кто гарантирует, что они разряжены.

Клык ответил не на всё.

— Тогда до проверки ничего не включаем, — сказал Лекс.

— Уже боишься?

— Уже учился.

Малой сидел на краю стола и слушал так внимательно, что даже не болтал ногой.

— Можно посмотреть?

Клык хотел отказать.

Лекс опередил:

— Можно. По правилам.

— Каким?

— Правило простое: сказали отойти — отошёл. Кор-Дум запретил трогать — руки убрал. Зураб сказал, что материал ведёт себя странно, — сначала слушаешь его. Айрин велела остановиться — стоишь. Никаких «я только гляну».

— А если Шило?

— Особенно если я, — сказал Шило. — Потому что я обычно кричу уже поздно.

Малой серьёзно кивнул.

Вечером Айрин снова пересчитала деньги.

— Если новых заказов не будет, меньше двух недель.

— С учётом жилья? — спросил Лекс.

— С едой, жильём и замком. Без лицензии для меня, без новых инструментов и без внезапной болезни.

— Значит, надо работать.

— Надо, — согласилась она. — Но не соглашаться на всё только потому, что сегодня страшно остаться без монет. Плохой договор отнимает свободу медленнее цепи. Поэтому его труднее заметить.

Лекс посмотрел на лист расходов, на новый замок, на копию розыска и на сумку с двадцатью снарядами и двумя гранатами, которые пока оставались нетронутыми.

Клык был полезен, но полезность не делала его другом; за Лекса обещали огромные деньги, однако сама по себе награда не прибавляла им сил.

На рассвете Малой принёс хлеб и горячую кашу. Сразу положил рядом бумажку.

— Это в долг. Шнырь сказал записать.

Айрин проверила сумму.

— Молодец.

Малой просиял сильнее, чем если бы ему дали монету.

— Насос сегодня?

— Сегодня, — сказал Лекс.

Он застегнул чехол с винтовкой, но брать её на первый осмотр открыто не собирался. Кор-Дум уже складывал инструменты. Зураб проверял ремень на посохе. Айрин убирала в сумку перевязочный материал и лист с условиями заказа.

Механос за окнами просыпался ударами молотов, свистом пара и руганью грузчиков.

Город не обещал свободы, защиты или справедливости.

Он только назначал цену почти всему.

Но теперь у них была крыша, работа, несколько монет и возможность сказать «нет», если цена окажется слишком высокой.

Где-то среди улиц человек в сером плаще всё ещё пытался понять, в какую дверь исчезла награда размером в тысячу золотых.

А Лекс шёл смотреть насос.

Интерлюдия 1. Хранитель

2–4 Нарвиона, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры • Старый Город • несколькими неделями ранее

Наутро после их ухода Грым поставил на стол две миски.

Вторая оказалась перед пустой скамьёй, где обычно садился отец. Грым подержал её за край, будто собирался передвинуть, потом убрал на полку, к остальным. Вчера он успел привыкнуть к тому, что никто не идёт следом по коридору, но к завтраку на одного ещё не приготовился.

Еда, разогретая в маленькой посудине, пахла так же, как прежде. Зураб говорил, что у древнего пайка замечательное свойство: по запаху совершенно нельзя догадаться, чем он собирается разочаровать. Сейчас Грым охотно послушал бы это ещё раз. Даже согласился бы, хотя при Зурабе непременно начал бы спорить.

Он доел, собрал хлебной крошкой остатки с края и вымыл миску. Воду из кувшина лил осторожно, над тазом. Когда рядом жили ещё четверо, это делалось само собой: Айрин замечала потери раньше, чем они успевали превратиться в привычку. Теперь возле умывальника лежала деревянная мерка, а на стене висела первая из трёх пластинок.

Грым прочёл её, хотя помнил почти всё. На пластинке было записано: проверить запас, осмотреть соединения, сравнить отметки; если показание изменилось, сначала отметить, что именно изменилось, и только потом браться за рычаги.

В нижнем углу сохранилась глубокая царапина: Кор-Дум, исправляя торопливую запись сына, так нажал на остриё, словно виноват был металл.

— Да вижу я, — пробормотал Грым.

Голос прозвучал неожиданно громко. За стеной гудела вентиляция; со стороны прохода доносился ровный шум воды. Город вовсе не молчал. Просто теперь в его звуках не было ни кашля Зураба, ни шагов Айрин, ни отцовского недовольства человеком, который снова положил ключ поперёк ящика.

Свой ключ Грым нашёл именно так. Поморщился и убрал в гнездо.

На столе оставались листы, исписанные с одной стороны. Он сложил их чистыми сторонами вверх, прижал обрезком металла и написал на первом: «Первый день после ухода».

Ниже поставил имя. Некоторое время смотрел на пустое место, куда следовало внести утренний осмотр. Хотелось начать с чего-нибудь посущественнее съеденной порции и вымытой посуды, однако вода требовала проверки раньше любого станка.

Он взял инструментальную сумку и пошёл к водному узлу.

* * *

До служебной ниши было недалеко. Дорога проходила мимо закрытого ответвления, пересекала галерею и возвращалась к жилым помещениям с другой стороны. Этим кругом они ходили ещё все вместе; на поворотах остались нанесённые рукой Грыма стрелки. Тогда он рисовал их широкими и кривоватыми, чтобы отец не велел переделывать каждую черту. Теперь две пришлось подновить: в тусклом свете они сливались с пятнами на стене.

У последнего поворота Грым остановился. Отсюда был виден проход, которым ушли остальные.

Ждать возвращения было рано: остальные лишь вчера ушли к поверхности, и из-за забытой мелочи они вряд ли стали бы поворачивать обратно. Грым всё-таки постоял, прислушиваясь, прежде чем войти в нишу.

Под трубой темнело небольшое мокрое пятно.

Он сразу поднял голову к соединению, на котором они меняли прижим, но то оказалось сухим. Капля висела ниже, у края отводящего желоба. Когда сорвалась, другая собралась почти сразу.

Грым опустился на одно колено, поставил под капель таз и протёр металл ветошью. Вода шла по наружной стороне желоба, огибая загнутую кромку. Сам желоб стоял с перекосом: дальний конец просел, а на нижней скобе блестела свежая полоса там, где металл тёрся о металл.

Такую неисправность не требовалось переводить с языка Древних.

Грым попробовал скобу рукой. Она качнулась. В тесной нише неудобно было подлезать с ключом, и он уже потянулся под желоб, когда локоть задел край таза. Вода плеснула на колено.

— Хорошо начал, мастер.

Он отодвинул сумку из мокрого места и сперва вытер пол. Если поскользнётся здесь один, ругать его будет некому. Эта мысль раздражала сильнее, чем холодная ткань на колене.

Перекрыв знакомый местный отвод, Грым дождался, пока стекут остатки. Основная труба продолжала гудеть; на проверенном указателе ничего не изменилось. Только после этого он подпер желоб деревянным обрезком и снял нижнюю скобу.

Крепёж не сломался. Под прижимной лапкой раскрошилась старая прокладка, от которой осталась тонкая тёмная полоска. Подтянуть сильнее означало продавить край желоба, а затем искать уже другое решение.

В мастерской, в ящике с обрезками, лежала подходящая полоса мягкого металла. Грым помнил её: сам отложил, когда разбирали пригодное после аварии. Отец тогда велел не смешивать целый материал с тем, который побывал в жару, и Грым рассердился — будто он не отличит. Теперь эта отдельная кучка избавила его от долгого поиска.

Он отрезал узкую накладку, загнул по снятой скобе и тщательно снял заусенцы.

Возвращаясь к нише, он невольно ускорил шаг. Хотелось скорее увидеть, как всё встанет на место, а потом уже похвалить себя за первое утро.

Поэтому у желоба он ещё раз приложил накладку насухо. Один край оказался выше другого.

Грым вернулся к верстаку и подогнал накладку заново.

Со второй примерки лапка легла ровно. Грым выбрал слабину, убрал подпорку и проверил уклон по небольшой порции воды из мерки. Вода ушла в отвод, не задержавшись у края. Он открыл подачу лишь немного, обождал, потом довёл рычаг до прежней отметки.

Под желобом оставалось сухо.

Грым прибрал инструмент, вытер скобу и только тогда улыбнулся.

Не древний станок и не оружие, которым можно поразить отца. Но теперь можно было пройти к воде, не ступая в лужу, и не тратить ветошь на каждую новую каплю.

В журнал он внёс место, причину и замену. О расходе металла сначала забыл, вернулся к записи и добавил размер обрезка. Напротив проверки оставил пустое место: вечером предстояло посмотреть, не осела ли скоба под нагрузкой.

Уверенность в том, что сделал хорошо, ещё не означала, что можно туда больше не ходить.

* * *

После воды он обошёл двери.

Створку возле Убежища Грым знал лучше остальных. Она иногда двигалась туже на последних пальцах хода, и прежде он приноровился дожимать её плечом. Кор-Дум запретил: пока есть сила дожать, перекоса будто бы нет, а потом в один прекрасный день выход окажется закрыт.

Сейчас Грым вычистил из нижней направляющей мелкую крошку и только затем проверил ход. Створка дошла до упора без толчка. Для второй проверки он остался со стороны Убежища, где находился ручной рычаг, и поставил сумку так, чтобы ремень не попал под движущийся край.

За следующим поворотом начиналась часть галереи, по которой ходить разрешалось лишь до меловой черты. Дальше оставались тёмные боковые проходы. Один вёл к промышленным помещениям, повреждённым при аварии; другие они ещё толком не осмотрели.

В стене перед чертой светился маленький знак. Грым помнил, что видел его раньше, но не мог вспомнить, был ли свет таким же ровным. Под знаком находилась узкая откидная крышка с выемкой, куда как раз входило остриё его отвёртки.

Открыть и посмотреть было бы делом нескольких мгновений.

Он даже вынул инструмент, потом присел, не касаясь крышки, и поискал на корпусе следы нагрева. Потёков не было. Запаха — тоже. Соседняя панель выглядела целой. Что находилось внутри, эти наблюдения не объясняли.

Грым вспомнил, как после взрыва Лекс несколько раз переспрашивал Айрин, хотя она стояла совсем рядом. Из рукава у него сыпалась пыль, а он всё пытался повернуться к станку. Тогда Грым злился на упрямого человека. Теперь возле маленькой крышки это упрямство оказалось удивительно понятным: неизвестное раздражало, потому что было рядом и поддавалось отвёртке.

Грым заставил себя убрать инструмент обратно в сумку.

Копию светящегося знака пришлось рисовать дважды. В первом наброске две черты слились; по такому рисунку потом и сам ничего не разберёшь. На стене рядом с панелью Грым оставил отдельную метку, чтобы вновь найти нужное место, а в журнале написал: «Назначение не установлено. Не открывал».

Последнее слово ему не понравилось. Похоже на оправдание.

Он подержал остриё над листом и ничего не исправил.

* * *

К вечеру плечи ныли так, словно он весь день работал тяжёлым молотом. Ничего тяжёлого почти не было: дважды сходить за материалом, трижды проверить воду, наклониться к каждой направляющей, перенести ящик, чтобы не цепляться за него в проходе. Однако в конце обычной работы можно было положить молот и уйти ужинать. Здесь вслед за одной мелочью обнаруживалась другая.

Грым уже собирался проверить крепление лампы над верстаком, когда заметил оставленную с утра пустую миску.

После завтрака он не ел.

Айрин обязательно спросила бы, много ли пользы принесёт мастер, у которого дрожат руки. Грым ответил бы, что руки у него не дрожат. Спорить с отсутствующей Айрин было совсем неинтересно, поэтому он достал положенную порцию и сел.

Пищи одному требовалось меньше, но от этого оставленная доля запасов не становилась бесконечной. Он отделил еду на следующий день, остальное убрал обратно, сверившись с записью раздела. В первой строке журнала добавил пропущенный дневной приём. Завтра надо было есть вовремя, а не пытаться за ужином наверстать всё сразу.

Когда он потянулся за кувшином, амулет стукнул о край стола.

Грым вытащил его из-за ворота. Маленький молот лежал на ладони, знакомый до каждой неровности, но непривычный именно здесь. Всю жизнь его можно было увидеть на отцовской груди, когда Кор-Дум склонялся над работой. Иногда сын, ещё совсем маленький, хватал фигурку, и отец накрывал его кулак своей ладонью, чтобы не порвался шнурок.

Теперь шнурок уходил за шею самого Грыма.

Он перевернул молот и провёл ногтем по стёртому краю. Отец снял его без колебаний. Во время прощания Грым запомнил прежде всего это: широкие руки, осторожно протянувшие шнурок над короткой бородой, и почти сердитое внимание к узлу. Уверенности в том, что сыну можно оставить город, хватило на такой простой жест.

Грым не был уверен, что за прошедший день стал достоин его больше, чем вчера. Успел забыть про еду, расплескать воду и дважды подгонял простую накладку. Зато желоб больше не тёк.

Он сунул амулет под рубаху и поднялся проверить скобу в последний раз.

Вернувшись, записал: «Сухо. Смещения нет». Приписал время относительно ужина — другого надёжного счёта для этих обходов пока не завёл — и отложил лист так, чтобы утром сразу его увидеть.

Лампу над верстаком оставил до следующего дня.

* * *

Во вторую ночь его разбудил металлический щелчок.

Грым сел, ещё не понимая, в какой стороне находится дверь. Несколько мгновений ждал, что отец велит лежать, а сам пойдёт посмотреть. Затем нащупал сапоги и с досадой вспомнил, что один из них оставил у другого конца скамьи.

Пока обувался, щелчок повторился. В стене мягко зашумел воздух.

Это была знакомая заслонка. Она двигалась и раньше, просто за чужим храпом и разговором её почти не слышали. Грым вышел к проходу, убедился, что створки стоят на местах, и вернулся к постели. Уснуть сразу не получилось. Он лежал, прислушиваясь к городу, пока не научился ждать следующий звук, а затем сердился на себя за это ожидание.

Утром он перенёс сапоги к изголовью. Рядом положил сумку с теми инструментами, которые требовались чаще всего. Из неё убрал тяжёлые клещи: таскать их на каждый осмотр не было смысла, а в мастерской они всегда оставались под рукой.

На новом листе вместо одной длинной записи появились три короткие: что проверено, что требует возвращения, что нельзя делать одному. Последняя сначала состояла из одной строки про подъём тяжёлых деталей. К обеду Грым добавил работу под незакреплённой створкой. Раньше там держал отец.

Оставленное оружие он сверил с записью, не устраивая новой разборки. Три винтовки лежали на своих местах; сто пятьдесят восемь снарядов оставались упакованными, три гранаты — отдельно. К почти разряженным энергоклинкам Грым не подключал ничего. Подобрать питание на глаз после всего, что они уже видели, означало самому себе устроить ещё одну аварию.

Он проверил, сухо ли у ящиков, поправил покрытие и закрыл помещение. В журнале не понадобилось ни вычёркиваний, ни новых чисел.

Обход занял меньше времени, чем вчера. Грым уже знал, какой инструмент взять к направляющей, где повернуть лампу и куда поставить таз, чтобы не зацепить его коленом.

После еды осталось время для верстака.

Он разобрал разбросанные обрезки, вернул мелкие детали в подписанные ячейки и освободил место, где работал отец. Смахнув пыль, вдруг остановился: чистая поверхность показалась чужой. Кор-Дум всегда оставлял там что-нибудь незаконченное — не из небрежности, а потому, что завтра ему предстояло продолжить.

Грым положил на край верстака остаток старой прокладки. Хотел показать, почему заменил именно накладку, а не затянул крепёж сильнее. Потом достал из ящика край накладки, срезанный после первой примерки, и положил рядом. Отец всё равно спросит, с первого ли раза получилось.

Предстоящее ворчание уже вызывало улыбку.

Потом долго выметал пыль из-под верстака, хотя там было уже чисто.

* * *

На третий вечер Грым впервые закончил обход до того, как успел проголодаться.

Вода уходила по желобу; под нижней скобой оставалась сухая ветошь, которую он подложил для проверки. Дверь Убежища двигалась ровно. Светящийся знак у закрытой крышки не изменился, а переносная лампа, которую он принёс из мастерской, позволила рассмотреть стену рядом: свежих трещин не появилось.

Грым занёс лампу обратно и сел к столу. Он собирался сначала переписать вчерашние неразборчивые слова, но отложил лист. Еда была уже разогрета.

Город по-прежнему гудел вокруг. По одному этому звуку нельзя было понять, сколько помещений ещё оставалось без питания и где за стенами лежали обломки. Грым понемногу привыкал к тому, что отвечает лишь за то, до чего сумел дойти и что проверил. От этого работы не становилось меньше.

Он успел съесть половину, когда из служебного прохода донёсся удар.

Ложка замерла у Грыма на полпути ко рту.

Это не походило на ночную заслонку. Там сначала щёлкал привод, затем шёл воздух. Сейчас металл глухо стукнул о металл, помолчал и ударил снова. Будто какая-то деталь не дошла до упора, вернулась и попыталась ещё раз.

Грым поставил миску подальше от края. Первым движением потянулся к инструментальной сумке, но тут же остановился и прислушался, дожидаясь следующего удара.

Звук шёл со стороны водной ниши.

Ему захотелось сразу бежать туда: утром всё было исправно, он сам проверял, а значит, ещё мог успеть, пока что-нибудь не разбило трубу. От этой мысли в груди стало тесно.

Он снял со стены пластинку и провёл глазами по строкам. Затем записал, откуда слышен удар, и оставил лист на столе. Взял лампу, нужный ключ и деревянную подпорку. Клин, которым удерживали дверь, положил в наружный карман сумки, чтобы не искать в темноте.

За порогом он остановился и сверил путь: до ниши можно было дойти по проверенной галерее, не приближаясь к закрытому промышленному проходу. На полу не было воды. Знакомый шум в основной трубе пока не менялся.

Новый удар отдался под сводом. Грым сжал ручку лампы, но шаг не ускорил. Сначала следовало увидеть, что движется; если придётся останавливать подачу, делать это нужно с той стороны, где находился проверенный рычаг.

У поворота он опустил сумку на сухой камень и направил свет вдоль стены.

— Ну, показывай, где разболталось, — негромко сказал он.

И остался на повороте, пока не дождался следующего удара.

Глава 3. Город возможностей

Месяц Халдир, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

Лекс проснулся не от света, а от удара молота внизу.

Механос не умел начинать день тихо. Ещё до рассвета в соседнем дворе проверяли паровой привод, через улицу кто-то ругался из-за цены на уголь, а под самым окном тележка два-

жды застряла колесом в выбоине. К этому примешивались шипение труб, лай, крики торговцев и тяжёлый металлический гул, который никогда не прекращался полностью.

Работа оставляла на людях такие же заметные следы, как копоть на стенах города. У водяной колонки Лекс видел литейщика без двух пальцев на левой руке; возле пекарни спорил о цене угля мужчина со свежей повязкой на предплечье, под которой проступала жёлтая мазь; молодой грузчик кашлял чёрной мокротой и всё равно тянул тележку, потому что простой никто не оплачивал. Здесь людей не приковывали к кристаллам, но металл, пар и бедность тоже умели брать своё.

Разница всё же была, и Лекс не позволял себе её обесценивать. Литейщик без пальцев мог выругать хозяина и уйти; грузчик с чёрной мокротой мог отказаться от смены. Просто потом им всё равно приходилось искать, чем заплатить за комнату, хлеб и лекаря. На Кристаллических полях человека удерживал кнут. В Механосе выбор существовал — только голод умел делать один из вариантов заметно убедительнее остальных. Свобода здесь была настоящей, но мир от этого добрее не становился.

В Старом Городе машина шумела потому, что выполняла работу. Здесь шум сам был частью работы.

Лекс сел на лежанке и некоторое время слушал, пытаясь отделить привычное от нового. После недели в Механосе это начало получаться. Три ритмичных удара снизу — Кор-Дум правит чей-то топор. Короткий скрежет и ругань — во дворе передвигают телегу. Длинный свист дальше по улице — сброс пара. Никакой тревоги.

На столе уже лежал лист с расходами.

Айрин сидела рядом с маленькой жаровней и резала тёмно-синий корень, который Мавра называла скрипуном. Первый раз Айрин купила его слишком много и сварила похлёбку так, что Зураб спросил, не собирается ли она лечить этим врагов. Теперь корня было ровно два тонких ломтика.

— Доброе утро, — сказал Лекс.

— Оно будет добрым, если ты не полезешь в насос до еды.

— Даже не собирался.

Айрин посмотрела на него поверх ножа.

— Я с тобой живу.

— Сильный аргумент.

Она пододвинула миску.

Похлёбка была густой, с крупой, луком и редкими кусочками мяса. Мясо они купили вчера после торга, который Кор-Дум счёл оскорбительным, а продавец — удачным. На четверых вышло дороже двух дневных порций хлеба, зато Зураб после еды впервые за дорогу не посмотрел на пустую миску так, будто она лично его предала.

Лекс взял ложку.

— Сколько осталось?

Айрин повернула лист: в верхней строке стоял дорожный остаток, ниже — шесть серебряных аванса Клыка, отмеченных как долг, а затем шли расходы.

В расходах значились входная пошлина, первое и второе жильё, новый замок, еда, уголь и ткань на перевязку Зурабу; ещё две медные монеты ушли за пользование дворовой мойней и одна — за кипяток, потому что хозяйка двора уверяла, будто вода становится горячей не бесплатно.

— Три серебряные, семь медных, — сказала Айрин. — Плату за насос сюда ещё не включала.

— А если не получим?

— Тогда останется только то, что не уйдёт на детали и станок. Надолго не хватит, особенно если Зурабу понадобится лекарь.

— Лицензия тебе?

— Пока не покупаем.

Она произнесла это спокойно, но Лекс услышал досаду.

Айрин умела лечить — не всё и не всегда, но всё же больше многих местных травников. Однако в Механосе умение без бумаги стоило меньше бумаги без умения. За официальную лицензию требовалась сумма, которой у них сейчас не было.

— Когда пойдут деньги, первым делом лицензия, — сказал он.

— Первым делом еда и неделя жилья.

— Потом лицензия.

— Потом материалы для работы.

— Потом лицензия.

— Посмотрим.

Лекс отложил ложку и посмотрел на ведомость.

— Ты становишься похожа на Кор-Дума.

— Значит, у меня появился шанс пережить ваши инженерные решения.

Дверь открылась без стука.

Кор-Дум вошёл с кружкой воды и половиной лепёшки.

— Чего шепчетесь?

— Деньги считаем.

— Плохо считаете.

— Ты даже лист не видел.

— Если после подсчёта лица такие, значит, денег мало.

За ним появился Зураб. Палку он теперь брал только на долгие переходы, однако утром нога всё ещё плохо сгибалась. Спускаясь по наружной лестнице, он держался за перила и ставил больную ногу осторожнее здоровой.

Айрин заметила это, но ничего не сказала. Вчера они уже спорили.

— Насос ждёт, — сообщил Кор-Дум.

— Он ждал пятнадцать тысяч лет, — сказал Лекс. — Потерпит ещё десять минут.

— Не этот. Этот лет сорок, от силы пятьдесят. И если Клык не соврал, последние два года его уже трижды чинили.

Зураб уселся у стола.

— Тогда не насос ждёт. Хозяин ждёт, когда четвёртый мастер согласится исправлять работу трёх предыдущих.

— Поэтому я и не люблю чужой ремонт, — буркнул Кор-Дум.

— Ты любишь ругать чужой ремонт.

— Это часть ремесла.

Лекс закончил еду и застегнул браслет.

Устройство показало заряд, пульс и обычный для комнаты фон. Больше ничего полезного оно здесь не знало. Локальная карта Старого Города в Механосе была бесполезна, служебные ключи не открывали ни одной городской двери, а заряд приходилось экономить.

Лекс отключил третий индикатор.

— Пошли зарабатывать на право поесть завтра.

* * *

Насос лежал на столе в ремонтном дворе Клыка.

Слово «насос» подходило ему примерно так же, как слово «телега» подходило паровому тягачу. Корпус размером с небольшой сундук, две камеры, система из четырёх клапанов, приводная рама и блок управления, который явно появился позднее остального механизма.

Клык стоял у стены, рядом торчал Малой, а Шило сидел на перевёрнутом ведре и чистил яблоко ножом.

— Вы вовремя, — сказал Клык.

Кор-Дум посмотрел на положение солнца за крышей.

— Мы на полчаса раньше.

— Значит, особенно вовремя.

— Хозяин?

— Не придёт.

Айрин спросила:

— Почему?

— Потому что не хочет, чтобы вы знали его лицо.

— Тогда почему мы должны доверять его словам о состоянии машины?

Клык усмехнулся краем рта.

— Не должны. Поэтому вещь здесь.

На столе лежала записка хозяина.

«После последней чистки давление упало. На третьем цикле появляется скрежет. При полном открытии подающего клапана устройство останавливается. Накопитель снят».

Кор-Дум перевернул лист.

— Всё?

— Всё.

— Кто снимал накопитель?

— Хозяин утверждает, что мастер.

— Имя?

— Не сообщил.

— Значит, первым делом проверяем, действительно ли снят.

Клык посмотрел на Лекса.

— Вы всегда так?

— После одного взрыва становишься внимательнее.

Шило перестал чистить яблоко.

— Какого взрыва?

— Старого.

— Большого?

— Достаточного.

Кор-Дум сказал:

— Шило.

— Молчу.

Разборку начали без питания.

Первый час ушёл на то, о чём прежний Лекс сказал бы: «Ничего не сделали».

Они очистили внешние соединения, сняли боковой кожух и промаркировали крепёж. Зураб сидел у короткой стороны стола и раскладывал детали по порядку снятия. Кор-Дум дважды заставил Малого переставить миски с болтами: если разные крепления внешне похожи, это ещё не значит, что их можно свалить вместе.

— Я помню, — сказал Малой.

— Тогда зачем положил?

— Хотел проверить, заметишь ли.

Кор-Дум очень медленно повернул голову к Малому, и тому этого хватило.

Малой взял обе миски и отошёл.

Шило тихо сказал:

— Умный мальчик.

— Очень, — ответил Кор-Дум.

Под кожухом не было никакого накопителя. Это подтвердили механически: гнездо пустовало, контакты разомкнуты.

Только после этого Лекс включил браслет и поднёс датчик к блоку управления.

Фон был слабым и ровным.

— Остаточный заряд в управляющей пластине, — предположил он.

— Предположил? — переспросил Малой.

— Да.

— А как узнать точно?

Лекс показал на медную рамку у края блока.

— Найти второй способ проверки.

Кор-Дум подал ему старый ручной индикатор Клыка. Примитивный по сравнению с системами Старого Города, зато понятный: кристалл менял оттенок рядом с активным полем.

Кристалл едва заметно посветлел.

— Теперь вероятнее, — сказал Лекс. — Но всё равно не знаем, что питает этот остаточный заряд.

Малой кивнул, как будто получил ответ на собственный экзамен.

До полудня они нашли первую настоящую неисправность.

Один из четырёх обратных клапанов был заменён деталью другого размера. Внешне посадка совпадала. Внутренний ход — нет. При малой подаче система ещё справлялась, при полном открытии клапан не успевал вернуться и поток шёл обратно.

— Кто это делал? — спросил Кор-Дум.

— Если узнаю, передать?

— Передай, что он умеет подгонять железо, но не умеет думать.

Зураб провёл пальцем по следам инструмента.

— Его ещё и подтачивали на месте. Видишь? Здесь металл перегрет.

Лекс наклонился.

— Я бы не увидел.

— Потому что ты смотришь на механизм. Я — на то, что с металлом делали.

— Поэтому ты здесь.

Зураб ответил не сразу.

— Хорошо.

Неправильный клапан объяснял остановку подачи, но не скрежет на третьем цикле. Поиск продолжили, и Кор-Дум обнаружил разбитую втулку привода.

Лекс — несоответствие между положением механического рычага и датчиком на блоке управления.

Зураб заметил, что одна пружина потеряла упругость и была вытянута почти на два пальца.

К полудню список стал длиннее, чем хотелось Клыку.

— И сколько это будет стоить? — спросил он.

Айрин, до этого наблюдавшая со стороны и записывавшая время, подняла лист.

— По договору: три серебряных за установленную причину, если мы не ремонтируем. Материалы — отдельной строкой в ведомости.

— Я помню.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Надеюсь, что вы забудете.

— Не забудем.

Клык усмехнулся.

— Ладно. А ремонт?

Кор-Дум назвал материалы.

Подходящую втулку можно было выточить.

Пружину — изготовить у местного мастера или перековать самим, если найти металл с нужной упругостью.

Клапан придётся делать заново.

— Срок? — спросил Клык.

— Два дня, — сказал Кор-Дум.

Лекс покачал головой.

— Три.

Дворф посмотрел на него.

— Почему?

— После сборки нужен хотя бы один день на проверку цикла. Не хочется чинить ровно настолько, чтобы хозяин ушёл довольный и вернулся злой.

Зураб согласился.

Кор-Дум подумал.

— Три.

Клык посмотрел на Малого.

— Слышал?

— Чего?

— Почему хорошие мастера дороже.

— Потому что медленные?

Шило расхохотался.

Кор-Дум взял со стола короткий ключ.

Малой мгновенно отступил.

— Я пошутил.

— Учишься.

* * *

Первый день ремонта принёс им не двенадцать серебряных, а расходы: клапанная заготовка стоила восемь медных, металл на втулку — четыре, полоса для пружины — шесть, а аренда маленького токарного станка в соседней мастерской — три медных за час при минимуме в два часа.

Кор-Дум спорил с владельцем до хрипоты и выбил второй час за две медных при условии, что сам уберёт стружку.

— Мы сейчас больше экономим, чем зарабатываем, — сказал Лекс, когда Айрин внесла цифры.

— Это потому, что вы считаете материалы, — ответила она.

— А как иначе?

— Большинство здесь считает только деньги, которые получил в конце.

— Вот поэтому у толкового мастера порой пустой кошель, — сказал Кор-Дум. — Железо посчитал, а собственную работу — нет.

Зураб поправил:

— Или поэтому богаты те, кто продаёт им металл.

Вечером выяснилось ещё одно: работа привлекала людей.

Сначала пришёл хозяин соседнего двора и спросил, правда ли они чинят древние приводы.

Потом женщина принесла маленький нагревательный блок, который не держал температуру.

Через час появился гоблин с двумя одинаковыми кристаллическими лампами и утверждал, что одна из них «обижена богами».

Лекс отказался смотреть всё сразу.

— Завтра, — сказал он.

Гоблин попытался положить на стол медяк.

— За место в очереди.

Айрин вернула монету.

— Очередь бесплатно.

Гоблин посмотрел так, будто она оскорбила торговлю как явление.

Клык наблюдал со стороны.

— Зря.

— Почему?

— В Механосе люди охотнее уважают очередь, если заплатили за неё.

— Тогда это не очередь, а торг.

— Добро пожаловать в Механос.

На второй день они изготовили клапан, хотя и не с первого раза.

Первая заготовка оказалась слишком мягкой. Кор-Дум понял это ещё при обработке, но довёл деталь до размера специально, чтобы Малой почувствовал разницу напильником.

— Вот, — сказал он, подавая обе. — Что скажешь?

Малой провёл инструментом по первой заготовке, и стружка снялась легко; по второй напильник шёл заметно хуже.

— Эта твёрже.

— И?

— Лучше?

— Для чего?

Парень нахмурился.

Кор-Дум ждал.

— Для клапана… твёрже лучше, чтобы не стирался?

— А если слишком хрупкий?

— Тогда расколется.

— Вот теперь думай дальше.

Лекс слушал краем уха и работал с датчиком.

Ему нравилось, что Кор-Дум не «обучал Малого». Он просто не позволял тому смотреть без вопросов.

Когда-то Грым точно так же не позволял Лексу рассуждать о местном металле так, будто это знакомая сталь.

Мысль о Старом Городе пришла тихо: Лекс не знал, что сейчас делает Грым, и впервые не пытался заполнить это незнание догадкой.

Никакого канала связи у них не было. Браслет молчал, город был далеко, а уверенность Лексу придавали только три списка, оставленное оружие и характер молодого дворфа.

Лекс несколько секунд держал руку на выключенном датчике.

— Что? — спросила Айрин.

— Ничего. Давай дальше.

* * *

Насос собрали к вечеру второго дня, но не включили.

Клык посмотрел на готовую машину.

— Вы специально тянете, чтобы казаться важнее?

— Да, — ответил Кор-Дум. — Ещё мы ночью тайно царапаем детали, чтобы утром снова их чинить.

— Я так и думал.

На третье утро устройство вынесли во двор.

Хозяин прислал две бочки воды и человека, который должен был принять результат. Приёмщик представился Седриком и сразу спросил, можно ли поднять давление выше штатного.

— Зачем? — спросил Лекс.

— Проверить запас.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мы чинили его для работы при обычном давлении.

— А если хозяин требует?

Айрин протянула ему записку.

— В исходном заказе указан штатный режим.

Седрик прочитал.

— Он заплатит больше.

— Испытание может сломать узел — за него платят отдельно, — сказал Кор-Дум. — И кто отвечает за поломку, тоже пишут отдельно.

Седрик помолчал.

— Штатный.

Испытание заняло почти два часа. Сначала проверили половинную подачу, затем полный цикл и десять последовательных включений; после каждого третьего осматривали клапан, втулку и пружину. На седьмом цикле Лекс услышал лёгкий стук и сразу остановил привод; Кор-Дум нашёл причину — после нагрева крепление кожуха ослабло.

— А если бы отдали вчера? — спросил Малой.

— Вернулся бы заказчик, — сказал Зураб.

— И что?

— И рассказал бы всем, что мастера хороши ровно до тех пор, пока машина не нагрелась.

После подтяжки насос прошёл ещё десять циклов.

Седрик выплатил двенадцать серебряных — полную сумму заказа с учётом материалов. Айрин внесла плату в ведомость и вычла подтверждённые расходы на материалы и аренду станка.

Чистыми осталось девять серебряных и семь медных монет.

По договору Клыку полагалась треть.

Он забрал три серебряных, отказавшись от мелочи в пользу группы.

— Ошибся? — спросила Айрин.

— Нет.

— Тогда почему меньше?

— Потому что ваши расчёты сможет проверить любой. Мне выгодно, чтобы вы это запомнили.

— То есть ты сейчас купил доверие за две медных?

— За три.

Клык улыбнулся.

— И, судя по твоему лицу, дорого.

Айрин не улыбнулась, но записала сумму точно.

После расчёта у группы оставалось больше девяти серебряных с учётом прежнего остатка — не богатство, но уже сумма, при которой аренда следующей недели переставала быть угрозой. При этом шестисеребряный аванс по-прежнему значился в ведомости как долг: сегодняшний расчёт его не погасил.

Две серебряные они отложили сразу: одну на еду, вторую — в резерв Айрин на лекарства и будущую регистрацию; оставшееся можно было использовать как оборотные деньги на материал.

— Вот теперь мы живём, — сказал Лекс.

Айрин покачала головой.

— Теперь у нас просто есть неделя, за которую можно заработать следующую.

— Ты умеешь портить красивые фразы.

— Это тоже полезный навык.

* * *

К полудню о ремонте знала половина восточного квартала, к вечеру — вся улица, а на следующий день история уже успела измениться. Кто-то утверждал, что Лекс починил машину Древних одним прикосновением, кто-то — что насос не работал сто лет, а кто-то добавил, будто он заставил устройство качать воду без топлива.

Малой принёс последнюю версию и смеялся так, что не мог закончить фразу.

— А ещё… ещё говорят… что ты оживил железного слугу и он поклонился тебе!

Лекс смотрел на него.

— Насос?

— Слугу!

— У нас даже слуги не было.

— Поэтому смешно.

Кор-Дум сказал:

— Смешно будет, когда завтра придут просить оживить бабушку.

Шило, зашедший за Клыком, прислонился к двери.

— Уже поздно. На нижнем рынке есть человек, который продаёт «винты, освящённые техномагом».

Лекс закрыл лицо ладонью.

— Я их никогда не видел.

— Потому и святые.

Айрин спросила:

— Кто продаёт?

— Скрип.

— Тот гоблин?

— Он самый.

— Найди его.

Шило сразу выпрямился.

— Зачем?

— Хочу узнать процент.

Лекс недоверчиво качнул головой.

— Ты шутишь?

— Пока да.

Слухи имели и полезную сторону.

За следующие два дня Клык принёс четыре заказа.

Один Лекс отказался брать сразу: повреждённый накопитель с трещиной по корпусу.

Второй оказался обычной механикой, и Кор-Дум отправил владельца к соседнему мастеру.

Третий — маленький древний нагревательный блок — взяли на диагностику.

Четвёртый представлял собой старый измерительный прибор с умершим контактом; Зураб нашёл неисправность без всякого дара Лекса.

— Записывай, — сказал он Айрин. — Полсеребряной мне.

— По договору работа общая.

— Тогда полсеребряной в общую кассу и отдельная запись: «Лекс не нужен».

— Я рядом стоял.

— Мешал мало.

Малой прыснул.

Лекс показал ему отвёртку.

Среди клиентов появились и те, кто спрашивал не о ремонте.

— Вы Лекс?

— Кто спрашивает?

— Друг.

— Чей?

После этого половина уходила.

Один мужчина в сером плаще не ушёл.

Он стоял у ворот двора слишком долго, разговаривал с продавцом масла и трижды посмотрел в сторону мастерской.

Клык заметил его раньше Лекса.

— Не выходи через главные ворота вечером.

— Твой?

— Нет.

— Награда?

— Может быть.

— Вэл'Шан?

— Может быть.

— Ты любишь это слово.

— Оно дешевле похорон.

Шило проводил незнакомца два квартала и вернулся ни с чем.

— Ушёл в толпу. Хорошо ходит.

— Значит, не случайный, — сказал Клык.

— Или просто не любит, когда за ним идут, — ответила Айрин.

Лекс прищурился.

— Ты теперь защищаешь подозрительных людей?

— Я защищаю точность.

Кор-Дум пробормотал:

— В этом доме скоро нельзя будет нормально обвинить человека без трёх доказательств.

— Наконец-то, — сказала Айрин.

* * *

Посыльный пришёл после обеда.

Не мальчишка Клыка и не Малой.

Мужчина в чистой серой куртке, с жетоном Гильдии торговцев на груди.

Он не вошёл во двор.

Остановился у ворот.

— Мастер Лекс?

Кор-Дум поднял голову от верстака.

— Здесь таких нет.

Посыльный не смутился.

— Человек Лекс, работающий с древними устройствами.

— А. Тот есть.

Лекс подошёл.

— Что нужно?

— Господин Рагнар приглашает вас на беседу сегодня, во второй половине дня.

— Кто такой Рагнар?

На лице посыльного впервые что-то дрогнуло — всего на миг.

— Глава Гильдии торговцев.

Клык, стоявший у стены, тихо выругался.

Лекс услышал.

— Плохая новость?

— Не обязательно.

— Ты сейчас сказал «не обязательно» так, будто это хуже, чем «да».

Клык дождался, пока посыльный уйдёт.

— Рагнар не вызывает людей, чтобы познакомиться.

— Чего хочет?

— Узнаешь.

— Ты знаешь.

— Предполагаю.

— Говори.

Клык посмотрел на Айрин, потом на Кор-Дума.

— Эксклюзив.

— На что?

— На тебя.

Кор-Дум медленно положил молот.

— Что значит «на него»?

— Гильдия любит вещи, которые приносят деньги. Если вещь редкая — старается сделать так, чтобы она приносила деньги только Гильдии.

Лекс почувствовал, как внутри начинает подниматься знакомое раздражение.

Айрин сразу сказала:

— Сначала прочитаем.

Он повернулся.

— Что?

— То, что предложат. До конца.

— Я не собираюсь продаваться.

— А я не собираюсь позволять тебе отказаться от неизвестного договора по одному названию.

Кор-Дум одобрительно постучал ногтем по краю стола.

— Правильно.

— Вы оба против меня?

— Нет, — сказал Кор-Дум. — Мы против дурака, который идёт торговаться, не спросив цену.

Клык усмехнулся.

— Возьмите её с собой.

— Я и так собиралась.

* * *

Гильдия торговцев занимала целый каменный дом возле центрального рынка.

Снаружи не было никакой показной роскоши: только бронзовые весы над входом, два охранника и табличка с перечнем пошлин за рассмотрение споров. Внутри всё менялось — чистый пол, тишина, толстые двери и слуги, которые двигались почти без звука. Оказывалось, тишина в Механосе тоже продавалась.

Рагнар встретил их в кабинете на втором этаже.

Высокий человек лет пятидесяти, гладко выбритый, в тёмной одежде без лишних украшений. Только перстень с весами и тонкая цепочка на жилете.

Он предложил сесть.

Это уже отличало его от рассказов Кор-Дума о старых гильдейцах.

— Господин Лекс. Госпожа Айрин. Мастер Кор-Дум.

Дворф нахмурился.

— Меня знаете.

— Я обязан знать мастеров, которые могут менять цены на рынке.

— Я пока только топоры чиню.

— Поэтому вы опаснее человека, который сразу открывает большую мастерскую. Вы ещё не знаете, сколько стоите.

Кор-Дум неожиданно улыбнулся.

— А ты нравишься мне меньше с каждой фразой.

— Значит, мы понимаем друг друга.

Рагнар положил на стол договор — шесть листов.

Лекс вопросительно поднял брови.

Айрин уже протянула руку.

— Можно?

— Для этого он здесь.

Первые два пункта выглядели почти привлекательно: Гильдия предоставляла жильё в Верхнем городе, мастерскую, инструменты, доступ к материалам по внутренней цене, защиту на территории Механоса и фиксированное ежемесячное содержание.

— Неплохо, — сказал Лекс.

— Читай дальше, — ответила Айрин.

Третий пункт устанавливал исключительное право Гильдии на все работы Лекса с древними устройствами.

Четвёртый запрещал выполнять сторонние заказы без письменного разрешения.

Пятый определял долю мастера как одну восьмую чистой прибыли после вычета материалов, хранения, посредничества, охраны, оценки и «прочих необходимых расходов».

Кор-Дум ткнул пальцем в последние слова.

— Вот тут можно спрятать весь город.

Рагнар спокойно сказал:

— Расходы подтверждаются книгами Гильдии.

— Которые ведёт Гильдия.

— Разумеется.

Айрин перевернула страницу.

— Срок пять лет.

— Да.

— Разрыв договора со стороны исполнителя?

— Возмещение полученных льгот и упущенной выгоды.

— Как определяется упущенная выгода?

— Советом Гильдии.

— То есть вами.

— Не мной единолично.

— Но не Лексом.

Рагнар слегка улыбнулся.

— Госпожа Айрин, любой договор предполагает доверие к порядку разрешения споров.

— Этот предполагает доверие одной стороны к суду другой.

Кор-Дум тихо сказал:

— Красивый ошейник.

Рагнар не обиделся.

— Красивый ошейник лучше ржавой цепи.

Лекс почувствовал, как воздух в комнате становится холоднее, хотя никто не повышал голос.

— Вы знаете, откуда мы пришли? — спросил он.

— Достаточно.

— Тогда странно предлагать мне это именно так.

— Напротив. Вы должны понимать ценность защиты.

— Защита, из-за которой я не могу выбирать работу, цену и клиента?

— Вы сможете выбирать внутри Гильдии.

— Из того, что выберете вы.

— Так устроена Гильдия. За возможность выбирать здесь тоже платят.

Лекс вернулся к строкам договора. Пять лет, ежемесячная выплата, хорошая мастерская, безопасный квартал и еда без ежедневного счёта медяков — для человека, который ещё недавно ехал в клетке, предложение выглядело почти издевательски разумным; именно этим оно было опасно.

Айрин положила палец на последний пункт.

— Здесь ещё передача знаний.

Лекс наклонился.

Исполнитель обязан передавать Гильдии схемы, методы ремонта и «все полученные в процессе сведения, способные иметь коммерческую ценность».

— Всё? — спросил он.

— В рамках работы, — ответил Рагнар.

— Кто решает, что относится к работе?

— При споре — комиссия.

Кор-Дум усмехнулся.

— Гильдии.

Рагнар развёл руками.

— Я не скрываю условий.

Это Лекс оценил.

Рагнар не был работорговцем, который притворялся спасителем.

Он был торговцем, предлагающим зависимость как товар и честно показывающим цену мелким шрифтом.

— Нет, — сказал Лекс.

Рагнар посмотрел на него.

— Вы даже не хотите предложить изменения?

Айрин повернулась к Лексу, и тот задумался. Вопрос был хороший: отказаться из гордости проще, чем понять, где именно проходит граница.

— Уберите эксклюзивность, — сказал он. — Уберите запрет на стороннюю работу. Доля обсуждается по каждому заказу. Знания остаются у того, кто их получил, если отдельно не проданы. Споры — через третью сторону, не вашу внутреннюю комиссию.

Рагнар слушал без выражения.

— Тогда зачем мне давать вам мастерскую, жильё и защиту?

— Не давайте.

— И что вы предлагаете?

— Платить за конкретную работу.

— Как обычному ремесленнику.

— Да.

— Вы считаете себя обычным ремесленником?

Лекс не успел ответить.

Кор-Дум заговорил раньше:

— Если мастер перестал считать себя ремесленником, значит, скоро начнёт делать дрянь.

Рагнар впервые рассмеялся.

Коротко.

— Хорошо сказано.

Он собрал договор.

— Но нет. Гильдии не нужен мастер без обязательств, если мастер способен создать конкурента завтра.

— Тогда мы не договорились.

— Пока.

— Пока.

Рагнар поднялся.

— Я не буду угрожать. Это дорого и редко помогает. Но предупрежу: ваша независимость будет стоить вам больше, чем вы думаете. Материалы, клиенты, безопасность, помещение. В Механосе всё это контролируют люди, которые умеют считать.

Айрин сказала:

— Мы тоже учимся.

— Вот это меня и беспокоит.

Он проводил их до двери кабинета.

У выхода Лекс остановился.

— Почему вообще предложили договор, если условия не обсуждаются?

— Потому что восемь из десяти соглашаются.

— А остальные два?

— Один становится конкурентом. Второй возвращается позже.

— Кем вы считаете меня?

Рагнар посмотрел на него.

— Я ещё не решил.

* * *

Клык ждал на другой стороне улицы.

Не случайно.

Выдавала его поза: он стоял спиной к стене так, чтобы видеть дверь Гильдии и два выхода на площадь.

— Ну? — спросил он.

— Ты знал.

— Предполагал.

— Пять лет.

— Стандартно.

— Одна восьмая после расходов.

Клык присвистнул.

— Жадничает.

Айрин хмыкнула.

— А у тебя треть.

— После заранее согласованных материалов. И без пяти лет.

— Поэтому мы пока разговариваем.

Шило появился из-за угла.

— Отказал?

— Да.

— Чуть не выиграл две медных.

Лекс посмотрел на Клыка.

— Вы ставили?

— Он ставил, что ты пошлёшь Рагнара вслух. Я — что дотерпишь до выхода.

— Кто выиграл?

Шило помрачнел.

— Никто. Ты оказался воспитаннее, чем выглядишь.

Айрин сказала:

— Благодаря мне.

— Верю.

Клык кивнул в сторону ближайшей таверны.

— Поговорим.

Они сели не в общем зале, а в маленькой боковой комнате.

Малой уже был там и пил травяной отвар.

— Почему он здесь? — спросил Лекс.

— Потому что услышал «Рагнар» и решил, что взрослым без него не справиться, — сказал Шило.

— Я принёс карту заказов.

— Которую тебя не просили брать.

— Но пригодилась.

Клык протянул руку.

Малой отдал карту.

— Вот теперь пригодилась.

Клык положил перед Лексом чистый лист.

— Моя схема тебя устраивает?

— Частично.

— Говори.

— Треть за клиента, проверку и безопасную встречу — много, если работа крупная.

— Сколько?

— Четверть.

— Нет.

— Тогда разные доли.

Клык прищурился.

Айрин заинтересованно повернула голову.

— Какие?

— Маленький заказ — треть. Большой — четверть. Если твоим людям придётся рисковать, охранять нас или выносить вещь — эти расходы вычитаем до деления.

— Где граница маленького и большого?

— По сумме.

— Какой?

Они торговались почти двадцать минут.

В итоге записали:

менее десяти серебряных чистой оплаты — треть Клыку;

от десяти до пятидесяти включительно — четверть;

выше пятидесяти — отдельные условия;

стоимость материалов учитывается в цене заказа и вычитается до раздела долей;

доставка и охрана согласуются заранее;

Лекс и мастера могут отказать без штрафа;

Клык не раскрывает адрес жилья клиентам;

если он узнаёт о прямой угрозе, сообщает, но не гарантирует защиту от Магистериума или властей;

сведения, полученные при ремонте, не становятся собственностью Клыка автоматически.

ранее выданный аванс в шесть серебряных погашается из последующих оплаченных ремонтных заказов, отдельной строкой в ведомости.

Айрин прочитала вслух каждый пункт.

Кор-Дума с ними не было, но она оставила строку:

«Цена ремесленной работы подтверждается мастером до принятия заказа».

— Это зачем? — спросил Клык.

— Чтобы ты не пообещал за нас невозможное.

— Я не обещаю невозможное.

Шило кашлянул.

Клык посмотрел на него.

— Часто.

— Вот.

Клык подписал лист своим знаком, Лекс — именем, а Айрин поставила подпись как свидетель.

— Теперь это партнёрство? — спросил Малой.

Клык выждал, пока Малой договорит.

— Теперь это бумага, по которой мы будем ругаться, когда каждый решит, что другой ему должен.

— А партнёрство?

— Если переживём несколько таких руганей — тогда посмотрим.

Лекс протянул руку, Клык пожал её. Это была не семья и не клятва, а сделка; пока именно она казалась надёжнее красивых слов.

* * *

Вечером они снова считали деньги.

После оплаты еды и аренды следующей недели они отложили деньги на материалы. В свободной кассе осталось шесть серебряных с мелочью.

Не девять.

Деньги в Механосе исчезали быстрее, чем появлялись.

Но теперь у них были оплаченные семь дней, работа, несколько заказов в очереди и договор, который можно было разорвать без штрафа.

Айрин положила рядом два листа: на одном были расходы, на втором — обязательства Клыка.

— Как думаешь, Рагнар отстанет? — спросил Лекс.

— Нет.

— Почему так уверенно?

— Потому что он не рассердился.

— И это плохо?

— Очень.

Кор-Дум сидел у окна и правил маленький резец.

— Торговец, который орёт после отказа, уже проиграл. Рагнар не орёт.

Зураб добавил:

— Значит, посчитает снова.

Лекс посмотрел на город за окном: снизу доносились голоса, кто-то спорил о цене подков, где-то дальше смеялись, а молот в соседнем дворе отбивал ровный ритм.

Механос по-прежнему не обещал ничего бесплатно.

Но сегодня Лекс впервые отказался не от хозяина с кнутом и не от мага, который хотел сделать из него материал для опыта. Он отказался от безопасности, хорошего жилья, инструмента и стабильной платы — от всего, что в другой жизни назвал бы удачным контрактом, если бы не пункты, отдававшие его труд в полное распоряжение Гильдии.

Свобода здесь имела вполне приземлённую цену: медные монеты, плохое жильё, риск и неопределённость следующей недели.

Лекс постучал пальцем по листу с расходами.

— Значит, завтра ещё два ремонта.

Айрин сказала:

— Один. Второй сначала посмотрим. Там кристаллический блок, и Клык сам не знает, что внутри.

— Правильно.

Кор-Дум поднял резец к свету.

— А послезавтра?

Лекс покачал головой.

— Послезавтра заработаем столько, чтобы ты перестал смотреть на набор резцов у северной лавки.

Дворф медленно опустил инструмент.

— Я не смотрю.

Зураб усмехнулся.

— Ты цену знаешь.

— Это другое.

Айрин записала что-то на полях.

— Что?

— «Не давать Кор-Думу ходить одному к северной лавке».

— Отдай лист.

Она убрала его за спину.

Лекс рассмеялся.

Впервые за весь день — без напряжения.

На столе лежали шесть серебряных, несколько медяков и два договора: один отвергнутый, другой принятый.

Денег было немного.

Но все они принадлежали им.

А утром Клык обещал принести устройство, за которое платили вдвое больше, чем за насос.

В Механосе влияние начиналось не с речи и не со знамени.

Сначала нужно было доказать, что твоя работа стоит денег.

Глава 4. Весть из прошлого

Месяц Халдир, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

Когда Клык сказал, что внизу ждёт старый ингриец, Айрин сперва решила не идти.

Решение продержалось до следующего удара молота во дворе.

Кор-Дум работал под навесом, выправляя чужую скобу; Зураб сидел рядом и проверял напильником край уже остывшей детали. В комнате наверху на столе лежали два листа: рас-

ходы за неделю и новый договор с Клыком, который они подписали вчера. Всё касалось нынешней жизни, всё можно было понять и сосчитать: с жильём уже рассчитались, еды купили на несколько дней, на завтра назначили ремонт, винтовка лежала в чехле, а двадцать снарядов по-прежнему оставались двадцатью. Браслет Лекса разряжался быстрее, чем хотелось бы, но работал в известных пределах.

Старый ингриец не относился ни к одной из этих задач.

Он принадлежал той части её жизни, распоряжаться которой Айрин больше никому не позволяла.

— Если не хочешь, не пойдём, — сказал Лекс.

Он стоял у двери и не торопил её. После разговора с Рагнаром это особенно бросалось в глаза: несколько часов назад вокруг них все только и делали, что объясняли, какая форма зависимости будет для них выгоднее. Лекс тогда отказался. Теперь точно так же не пытался определить за Айрин, какую цену имеет встреча с прошлым.

— Клык сказал имя?

— Эрвин.

Имя всё-таки ударило сильнее, чем Айрин ожидала.

Айрин опустилась на ближайший табурет.

Не Эрвин из песни, не имя из старой книги, не человек, о котором ей рассказывали после падения Ингрии. Эрвин с оружейного двора. Сухой, высокий, вечно пахнущий угольной пылью и маслом для клинков. Тот, кто позволял девочке сидеть на ящике у стены, пока её отец спорил с мастерами, и давал держать тупой тренировочный нож, хотя мать считала, что в шесть лет для оружейной ещё рано.

Он называл её «маленькой волчицей» только тогда, когда рядом не было придворных.

Потом были осада, огонь и десять лет, в которых такие воспоминания становились опаснее ран: если слишком часто трогать, начинало казаться, что всё это случилось не с тобой.

— Ты уверен, что тот Эрвин?

— Нет, — ответил Лекс. — Клык знает только, что он старый ингриец, жил среди сталкеров и просил привести тебя, когда услышал имя.

Айрин была благодарна Лексу именно за эту честность.

Айрин поднялась.

— Идём.

— Вдвоём?

Айрин быстро прикинула, чем они рискуют.

— Вдвоём. Но скажи Кор-Думу, куда мы ушли. И Клыку — никаких других людей в комнате, пока я сама не разрешу.

— Малого это убьёт.

— Переживёт.

— Шило?

— Его тоже.

Лекс улыбнулся.

— Уже передаю.

* * *

Убежище сталкеров находилось в подвале бывшего склада Нижнего города. К этому времени Айрин уже бывала там дважды: один раз после первого ремонта Клыка, второй — когда Шнырь приносил копию объявления о розыске. Но сегодня привычный подвал казался другим, хотя стены остались прежними.

На верхней площадке действительно сидел Малой.

— Меня не пускают, — сообщил он с таким возмущением, будто речь шла о нарушении городского закона.

— Правильно делают.

— Я вообще-то здесь живу иногда.

— Сегодня иногда не живёшь.

Он перевёл взгляд на Лекса.

— И ты так считаешь?

— Сегодня я разумный человек и не спорю с Айрин.

— Подхалим.

— Опытный.

Из глубины склада донёсся голос Шила:

— Малой, если тебя прогнали, иди сюда! Найдём полезную работу!

Малой побледнел.

— Вот видите, до чего довели.

Айрин впервые за всё утро улыбнулась.

Клык ждал у железной двери и не стал спрашивать, готова ли она. Только отпер замок и сказал:

— В комнате он один. Я буду снаружи. Если понадобится — стукни дважды.

— Откуда он?

— Из тех, кто жил здесь ещё до меня. Иногда уходит на месяцы. Возвращается с книгами, старыми картами и людьми, которых надо прятать. Обычно не объясняет больше необходимого.

— Почему ты ему позволяешь?

Клык пожал плечами.

— Он платит сведениями. И за двадцать лет ни разу не продал моих людей.

Для Клыка это уже почти сходило за рекомендацию.

Айрин открыла дверь.

В маленькой комнате горела одна лампа. На грубом столе лежала закрытая книга, рядом стояла кружка с остывшим настоем. Человек у стены поднялся не сразу — сперва опёрся ладонью о стол, потом медленно выпрямил колени.

Седые волосы стали длиннее, борода — почти белой; на правой руке не хватало двух ногтей, а левое плечо держалось чуть ниже другого.

Но глаза остались теми же.

Айрин остановилась на пороге; старик напротив замер одновременно с ней.

Несколько ударов сердца никто не говорил.

— Маленькая волчица, — произнёс Эрвин негромко, не как придворный, увидевший наследницу, а так, как когда-то говорил в оружейной, протягивая ей деревянный нож.

У Айрин перехватило дыхание.

— Эрвин.

Он сделал шаг и остановился, будто только сейчас вспомнил, что между прошлым и настоящим лежат десять лет, рабский рынок, чужие земли и неизвестно сколько смертей.

Потом всё-таки склонил голову — не вставая на колено, а так, как старший мастер кланялся члену королевского дома: признавая статус и одновременно не превращая человека в икону.

— Рад видеть вас живой, госпожа Айрин.

— Не надо «госпожа».

— Как прикажете.

— И это не надо.

В уголках его глаз появились морщины.

— Тогда придётся заново учиться разговаривать.

— Начни с «Айрин».

— Попробую.

Она подошла ближе.

Руки у него дрожали. Совсем немного, но Айрин увидела. Эрвин заметил её взгляд и спрятал ладонь за спину — старый, почти придворный жест, который когда-то использовал, если обжигался у горна и не хотел, чтобы королева Сигрид велела ему прекратить работу.

— Покажи.

— Что?

— Руку.

— Айрин…

— Я лекарь.

Лекс за её спиной негромко кашлянул.

— С этим спорить бесполезно.

Эрвин посмотрел на него впервые по-настоящему.

— Значит, ты Лекс.

— Иногда.

— Клык рассказывал.

— Тогда половину сразу вычёркивайте.

— Я и собирался.

Это был Эрвин.

Тогда Айрин окончательно поверила.

Она взяла его левую кисть. Пальцы были холодными, суставы припухшими, на ладони старые ожоги, которых в её памяти ещё не было. Пульс ровный, чуть учащённый. Ничего срочного.

— Потом дам мазь для суставов.

— Я пришёл не лечиться.

— Здесь это не всегда спрашивают.

Старик коротко рассмеялся и вдруг закрыл глаза.

Смех оборвался так же быстро, как начался.

Когда он снова посмотрел на неё, в глазах стояли слёзы.

— Я искал вас десять лет.

Айрин не стала заполнять паузу словами.

Эрвин сам отвёл взгляд.

— Садитесь. Иначе я сейчас начну говорить не то, что нужно.

Они сели.

Лекс выбрал место сбоку, не рядом с Айрин и не напротив Эрвина, а у края стола. Она отметила это почти машинально. Он оставил разговор ей.

— Откуда вы узнали, что я в Механосе? — спросила она.

— Не узнал. Заподозрил.

Эрвин достал из книги сложенный лист.

— Это копия объявления о розыске. Третья копия с тех пор, как объявили тысячу золотых. На первой про вас было только имя. На второй — что вы лекарь. На третьей появилась мастерская Кор-Дума. Потом человек Клыка спросил меня, встречалось ли в Ингрии имя Айрин у людей, которые могли оказаться в рабстве Стального Шпиля.

— Малой?

— Нет. Шнырь.

— Разумно.

— Я не стал искать вас сам. За объявлениями следят не только те, кто хочет награду.

— Вэл’Шан.

— Возможно. Это уже вывод, не факт.

Айрин всмотрелась в его лицо.

— Ты всегда так говорил?

— Нет. Раньше у меня было королевство, где за ошибочную догадку приходилось расплачиваться разве что испорченным клинком. Теперь за неё могут умереть люди.

Он положил лист отдельно.

— Это документ. Копия, но источник известен. Дальше будет хуже: память, чужие рассказы и слухи. Я хочу, чтобы вы не смешивали их.

Лекс кивнул: такой порядок его устраивал.

Айрин увидела и едва не улыбнулась. Старый оружейник и земной инженер нашли общий язык раньше, чем успели поспорить.

— Хорошо, — сказала она. — Начинай с того, что видел сам.

Эрвин положил обе ладони на стол.

— Я знал Харальда. Я знал Сигрид. Я знал вас ребёнком. До последнего года осады отвечал за дворцовые оружейные и часть запасов металла для гвардии. Это личная память, и она может ошибаться в мелочах, но не в людях.

Айрин медленно вытянула руки из рукавов настолько, чтобы стали видны серебристые родовые линии у запястий.

Эрвин не потянулся к серебристым линиям, а только посмотрел.

— Волк, — сказал он. — Три вершины. Перекрестье клятвы.

Айрин знала эти элементы.

Мать объясняла их ещё до падения столицы. Позже, в рабстве, узоры стали бледнее, но не исчезли. В мастерской Кор-Дума Айрин уже рассказывала Лексу, чьи это знаки и почему они важны. Сейчас Эрвин не раскрывал тайну. Он возвращал словам голоса людей, которые когда-то произносили их рядом с ней.

— Эту линию добавляли на двенадцатом году, — сказал он, указывая, но не касаясь. — Сигрид спорила с мастером почти весь день. Хотела сделать тоньше.

— Потому что я плакала?

— Потому что вы кусали мастера.

Айрин уставилась на него.

Лекс отвернулся, но плечи предательски дрогнули.

— Мне было двенадцать.

— Именно. Уже достаточно взрослая, чтобы не кусаться.

— Он иглой больно колол.

— А вы были дочерью Харальда.

— Это должно было обезболить?

— Ваш отец сказал то же самое.

Она рассмеялась.

И почти сразу заплакала.

Не сильно. Без всхлипов. Просто смех не успел закончиться, когда по щеке пошли слёзы.

Эрвин отвернулся к книге.

Лекс ничего не сказал.

За это Айрин была благодарна обоим.

— Отец правда раздавал зерно во время голода? — спросила она через некоторое время.

Эрвин посмотрел на неё.

— Правда. Но не так красиво, как рассказывают песни. Он открыл два военных склада после трёх дней спора с советом. На четвёртый выяснилось, что зерна меньше, чем записано. Двоих хранителей потом судили за воровство.

— Вот это похоже на него.

— А ещё он после этого три месяца слушал, как казначеи объясняют, что король не должен лично пересчитывать мешки.

Айрин помнила отца у карты, отца на коне, отца в большом зале. Отца, пересчитывающего мешки, она никогда не видела.

И от этого он становился живее.

Айрин провела ладонью по шероховатому краю стола. До этого разговора она помнила отца прежде всего в дни праздников и на последнем совете перед осадой. Он умел говорить так, что даже взрослые люди переставали перебивать друг друга, и в детстве она принимала это за особый дар. Теперь Эрвин рассказывал о складах, испорченных ведомостях и споре с казначеями. Получалось, что король, которого она помнила в тяжёлом плаще, иногда тратил весь день на то, чтобы проверить число мешков, а к вечеру всё равно слышал от чиновников, что неправильно понял отчёт.

— Он сердился на них? — спросила она.

— Конечно. Иногда совершенно справедливо. Иногда потому, что устал. — Эрвин помедлил. — Помню, однажды приказал принести ему все записи за неделю. Через час признался, что сам запутался. Велел позвать того самого казначея, на которого накричал.

— И извинился?

— При мне — да. А потом потребовал, чтобы тот объяснил всё сначала. Казначей говорил два часа. Ваш отец слушал до конца, хотя ему явно хотелось быть где угодно ещё.

Лекс негромко кашлянул. Айрин повернулась к нему.

— Что?

— Ничего. Представил Кор-Дума с чужой ведомостью.

— Кор-Дум сначала спросил бы, кто её так безобразно составил, — ответила она, — а потом всё равно заставил бы объяснить.

Эрвин улыбнулся: не придворно, а устало, как человек, которому на мгновение вернули знакомый разговор. Айрин тоже улыбнулась. Она давно боялась, что стоит начать расспрашивать об Ингрии — и останутся только героические смерти да великие слова. Но отец любил хлеб с хрустящей коркой, мать не терпела грязной обуви в покоях, а военные склады приходилось считать. Айрин провела пальцем по краю листа и не сразу смогла заговорить. Труднее всего было возвращаться мыслями не к знамёнам и приказам, а к дому, где эти мелочи когда-то казались привычными.

Она посмотрела на скрещённые руки Эрвина. Старик не пытался угадать, какой ответ ей приятнее. Когда не помнил, говорил, что не помнит. Когда пересказывал чужие слова, отмечал это заранее. Айрин постепенно начинала доверять ему не из-за титула, который он употреблял с уважением, а именно из-за этих оговорок.

— Я ещё многое спрошу, — сказала она.

— Я не всё смогу рассказать.

— Знаю. Мне и не нужно, чтобы ты знал всё.

От этих слов Эрвин будто немного распрямился. Айрин заметила это и поняла, что он тоже пришёл на встречу со страхом — не только быть отвергнутым, но и оказаться перед ней единственным оставшимся свидетелем жизни, которую невозможно вернуть. Она не собиралась требовать от него невозможного. Сейчас ей хотелось услышать, как кончились те дни, о которых он помнил сам.

— Про штурм?

Эрвин долго молчал.

— То, что я видел сам: западная стена держалась до полудня. Потом рухнула внутренняя галерея. Харальд не выходил один против всей армии — это песня. Он вышел с остатками гвардии к внутренним воротам, когда стало ясно, что через них пойдут к жилому кварталу.

Его последний приказ, который слышал я: выводить детей через нижние ходы. «Ингрия не сдаётся» он действительно сказал, но раньше, на совете, за два дня до штурма.

Айрин закрыла глаза.

Эту песню она знала наизусть: в ней отец стоял один у ворот, потому что так было красивее.

Правда оказалась хуже и лучше одновременно: рядом с ним были люди.

— Ты видел его смерть?

— Нет.

Эрвин произнёс это сразу.

— Меня оглушило камнем. Очнулся уже в нижней оружейной. Дальше меня вывели через третий запасной ход. О смерти Харальда знаю от трёх гвардейцев. Двое потом погибли. Один пропал. Их рассказы совпадали в основном, но не во всём.

— Мама?

Эрвин опустил взгляд.

— Видел её в последний раз у лестницы к восточному двору. Она отправила вас с телохранителями и вернулась к раненым. Всё после этого — не моя память.

Айрин сжала край рукава.

— У тебя что-нибудь от неё осталось?

Эрвин замер.

Потом встал и подошёл к небольшому сундуку у стены.

Ключ он носил на шее под рубахой — не магический, а самый обычный, с двумя бородками.

Он открыл замок, снял верхний слой ткани и достал кожаный свёрток.

Айрин задержала дыхание: она ещё не видела содержимого свёртка, но ткань узнала сразу.

Не сам кусок — цвет и вышивку по краю. Так в королевском доме оборачивали личные вещи перед дорогой: серый лён, одна белая нить по краю, три стежка через промежуток.

Эрвин положил свёрток на стол.

— Я могу рассказать, как он попал ко мне. Насколько вообще можно восстановить такую историю после падения города. Медальон снял с Сигрид один из уцелевших наших людей после того, как бой уже ушёл дальше. Он не пытался сохранить драгоценность. Боялся, что знак дома попадёт к тем, кто будет выставлять его как трофей.

— Кто?

— Его имя я скажу вам отдельно, если захотите. Он погиб позже, но у него остались родные. Не хочу делать их частью разговора при лишних ушах.

Айрин посмотрела на Лекса.

Тот поднялся.

— Я могу выйти.

— Сядь.

Он сел обратно.

— Он передал медальон мне через нашу явку, — продолжил Эрвин. — Вместе с короткой запиской: где найден, при каких обстоятельствах и кто видел передачу. Записка здесь. Я носил свёрток с собой первые два года. Потом оставил в схроне. Когда схрон пришлось переносить, забрал снова. Последние три года он лежал в этом сундуке.

Эрвин развязал ткань.

На ладонь легла маленькая серебряная волчья голова, потемневшая по краям.

Айрин помнила её ярче.

На шее матери медальон казался почти белым; в детстве Айрин любила следить, как в его глазах задерживается свет свечей. Сигрид иногда позволяла дочери взять волка в ладонь, но всегда напоминала, что украшение старше их обеих.

Теперь серебро было холодным.

Айрин не взяла его сразу.

— Записку.

Эрвин протянул сложенный лист.

Бумага отличалась от объявления: старая, ломкая по сгибам. Текст был коротким — имя, место, дата по старому ингрийскому счёту и подпись свидетеля.

Айрин прочла запись дважды и только потом взяла медальон.

На обороте под слоем потемнения сохранилась маленькая насечка — почти незаметная буква, которую она сама когда-то сделала иглой.

Мать сначала рассердилась, а потом засмеялась.

Айрин прижала металл к губам.

Несколько минут в комнате никто не говорил.

Она сама надела цепочку — не как корону и не как знак того, что завтра обязана вести армию, а просто потому, что это принадлежало матери.

Медальон лёг на кожу под рубахой.

— Спасибо.

Эрвин кивнул.

— Он ваш.

— Нет. Он был мамин.

Старик посмотрел внимательно.

— Тогда храните её вещь так, как считаете правильным.

Вот это Айрин смогла принять.

* * *

После медальона говорить о картах оказалось труднее.

Эрвин дал ей время. Налил свежий настой, который принёс Клык, и только когда Айрин сама спросила, выложил на стол три свёрнутых листа и толстую тетрадь.

— Это уже не семейные вещи. Это работа.

Первой оказалась карта Ингрии до войны.

Не парадная карта королевства с красивой рамкой, которую вешали в залах, а рабочая дорожная копия. На ней стояли отметки складов, перевалов, старых застав, кузниц, лесных стоянок и обходных путей.

— Откуда?

— Из оружейного управления. Мы пользовались такими, когда отправляли металл и оружие по гарнизонам. Эту копию я вынес сам. Документ.

Вторая сохранилась хуже.

На ней севернее столицы шли карандашные линии, часть названий затёрлась.

— Это копия со старой шахтной схемы, — сказал Эрвин. — Оригинал принадлежал семье проводников. Я переписал её через четыре года после падения Ингрии. Эта карта уже не так точна. Две тропы могли обвалиться. Один мост точно уничтожен — это подтвердили люди, которые пришли оттуда два года назад.

— Живые?

— Были живы тогда. Сейчас не знаю.

Третья карта была совсем небольшой.

В дверь коротко постучали дважды.

Айрин разрешила Клыку войти.

Он остановился у стола.

— Вот эту я видел.

Эрвин посмотрел на него.

— Где?

— Не эту бумагу. Район. Северо-восточнее Механоса. Старые выработки и две руины. Сталкеры ходят до первой. Дальше редко.

— Почему?

— Один проход сел. Второй считают проклятым.

— «Проклятым» — это что именно? — спросил Лекс.

Клык усмехнулся.

— Вот за это мне нравится с тобой работать. У большинства слово «проклятый» заканчивает разговор.

— А у тебя?

— С него и начинается торг.

Он провёл пальцем над линией, не касаясь бумаги.

— Там люди слышат голоса. Иногда теряют направление. Один отряд вернулся без двух человек и клялся, что весь день ходил по прямой. Внутрь глубоко никто из моих не лез последние три года.

— Это слух? — спросила Айрин.

— Часть. Про отряд знаю от одного участника лично. Он ещё жив. Про голоса повторяют многие. Про проклятие придумали трактирщики.

Эрвин постучал пальцем по полю листа.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Не смешиваешь.

Клык пожал плечами.

— Если смешивать, сталкеры быстро дохнут.

Лекс наклонился над картой.

— Что там искали ингрийцы?

Эрвин ответил не сразу.

— Две у нас зацепки. Первая — документы. В одном старом перечне оружейных поставок упоминается «северное хранилище» и ремонтное место, куда отправляли мастеров. Ни слова о Древних. Просто склад и мастерская. Вторая — устные рассказы. Моя бабка говорила, что ещё до её рождения ингрийские мастера ходили туда за знаниями, которые называли «памятью старших». Что это означает — не знаю.

— Значит, никаких «великих тайных артефактов»? — спросил Лекс.

— В бумагах — нет.

— Уже хорошо.

Айрин смотрела на карту.

Линия уходила в горы.

Ей хотелось немедленно решить, что нужно идти туда. Она уже знала это чувство: если прошлое наконец оставило след, страшно дать ему остыть. Но именно так люди и гибли в руинах — принимали желание за довод.

— Клык, — сказала она, — твои люди могут проверить подходы, не входя внутрь?

Он задумался.

— Могут. Но бесплатно — нет.

— Сколько?

— За разведку без входа — два серебряных, если идёт один. Три, если двое и с ночёвкой. Если вы хотите, чтобы я сам пошёл, дороже.

— Почему?

— Я красивый.

Эрвин посмотрел на него почти с осуждением.

Клык невозмутимо добавил:

— И у меня больше опыта.

— Вот это уже ответ, — сказала Айрин.

Лекс посмотрел на Клыка:

— А если совместить с работой, о которой мы говорили? У тебя ведь был заказ на осмотр руин.

— Возможно.

— Платит клиент, мы получаем доступ и проверяем подходы по карте.

— Возможно, — повторил Клык. — Но сначала я сверю место. Если это другой район, не буду тащить людей через половину гор ради экономии двух серебряных.

Айрин посмотрела на Лекса. Он не говорил «мы идём», а ждал её решения.

— Сначала сверяем карты, — решила она. — Потом маршрут. Никаких выходов только потому, что здесь нарисован крест.

— Вот теперь ты похожа на своего отца, — сказал Эрвин.

Она нахмурилась.

— Он тоже был осторожным?

— Нет. Он тоже заставлял меня перепроверять карты, когда самому уже хотелось идти.

— Это совсем другое.

— Конечно.

* * *

Тетрадь Эрвин открыл последней. На первой странице не было никакого пророчества — только списки с именами, местами и датами последних подтверждённых известий.

В записях отмечалось, у кого нашли ребёнка из исчезнувшей семьи, кто пришёл из южных лесов, кто умер после зимы, кто видел людей с родовыми знаками и кто сообщил о сожжённом поселении; у одних сведения были проверены двумя свидетелями, у других на полях оставались вопросы.

Айрин читала, и постепенно буквы переставали быть для неё записями: за ними проступали люди.

Не «остатки Ингрии» и не «несколько тысяч выживших» из сухой фразы — люди с именами, ремёслами и чужими пометками о том, кто их видел последним.

Некоторые имена были ей знакомы: старый конюший Рем, семья ткачихи Олды, две сестры из нижнего квартала, которые в детстве продавали на зимнем празднике горячие яблоки.

У многих рядом стояло: «не подтверждено».

У некоторых — «погиб».

— Сколько? — спросила Айрин.

— Я и люди, которым я доверяю, за последние годы видели живыми чуть больше трёх сотен. Есть ещё несколько групп, но сколько там народу, называют по-разному. Говорят о тысячах в лесах и пещерах — только это примерные подсчёты, а не список с именами.

Эрвин не заметил заминки.

— Я не утверждаю, что их несколько тысяч. Просто такое число называют разные люди. И вполне могут дважды посчитать одних и тех же.

— Они организованы?

— Некоторые.

— Кто руководит?

— В разных местах — разные люди. Где-то бывшие военные. Где-то старейшины. Где-то охотники. Есть те, кто до сих пор считает, что надо восстановить старый совет. Есть те, кто

хочет выбрать новый. Есть те, кто ненавидит саму мысль о королевском доме, потому что при Харальде Ингрия всё равно пала.

Айрин только крепче прижала ладонь к краю стола.

Она ещё раз посмотрела на пометки рядом с именами. Эрвин не вычеркнул тех, о ком давно не приходило вестей. Для них он оставил отдельную графу, и она была почти такой же длинной, как список тех, кого видели в живых. Это ещё не означало, что все они живы. Только честное признание: отсутствие вести ещё не доказательство смерти, как и слух о спасении не доказательство жизни.

— Они имеют право.

Эрвин посмотрел на неё долго.

— Имеют.

— А ты?

— Я?

— Что хочешь ты?

Он помедлил с ответом.

— Чтобы у людей снова был дом, в котором детей не продают. Не обязательно вернуть трон или посадить на него законную наследницу. Остальное можно обсуждать потом.

Айрин опустила взгляд на тетрадь.

— Если я не захочу быть королевой?

Клык тихо вышел, прикрыв дверь. Лекс остался.

Эрвин положил ладонь на закрытую страницу.

— Тогда не будете.

— Так просто?

— Нет. Совсем не просто. Будут люди, которые станут требовать. Будут те, кто обвинит вас в бегстве от долга. Будут те, кто обрадуется. Некоторые попробуют использовать имя, даже если вы запретите. Но если вы спрашиваете меня — кровь даёт вам право говорить, а не обязанность сидеть на троне.

Айрин почувствовала, как в груди понемногу отпускает напряжение.

— В детстве мне говорили иначе.

— В детстве у нас было государство.

— А теперь?

— Теперь у нас люди.

Лекс всё это время молчал.

Айрин повернулась к нему.

— А ты что думаешь?

Он потёр подбородок.

— Что ты задала вопрос не мне.

— Я спрашиваю сейчас.

— Эрвин прав: решать тебе. Но те триста человек, которых видели живыми, — не герб на стене. Им нужны еда, лекарства, безопасные дороги и люди, которые не продадут их за тысячу золотых.

— Очень романтично.

— Я инженер.

— Я помню.

Эрвин усмехнулся.

— Хорошо, что помните оба.

Глава 5. Песнь Ингрии

Месяц Халдир, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

Песню он запел не потому, что решил устроить урок истории.

Его попросила об этом сама Айрин.

В тетради рядом с именем одной погибшей женщины стояла короткая пометка: «пела молитву Очага детям».

— Какую? — спросила Айрин.

— Старую кузнечную.

— Ту, что бабушка пела в День Очага?

— Возможно.

— Спой.

Эрвин сначала отказался, но потом всё-таки выпрямился и начал тихо, почти речитативом:

Кователь, наш Отец, кузнец миров,

Ты выковал нам дух, ты создал кров.

Ты вложил в руки молот и клинок,

Чтоб каждый жизнь свою продолжить смог.
Мы не рабы, мы — творцы по Твоей воле,

Мы выкуем свободу в чистом поле.

Благослови наш труд, наш тайный сход,

Пусть враг в земле сгниёт, а мы — вперёд.
Ты в искрах горна, ты в дыме кузниц,

Ты — свет в глазах уставших беглецов.

Среди руин, среди гробниц и улиц

Не дай забыть нам имена отцов.

Последние две строки прозвучали иначе, чем помнила Айрин.

— Раньше было «даришь нам надежду без конца».

Эрвин кивнул.

— Так пели при дворе. В лесах поменяли.

— Почему?

— Потому что надежда без памяти быстро становится красивой песней. А имена помогают считать, кого мы уже потеряли.

Лекс смотрел на стол.

Айрин знала, о ком он думает, и не стала спрашивать.

— А Сварг? — спросила она. — Ты всё ещё рассказываешь историю о первом кузнеце?

— Малой уже слышал три раза.

— И?

— Каждый раз спрашивает, где взять молот, который сам ищет врага.

Айрин улыбнулась.

— Расскажи правильно.

Эрвин откинулся на спинку стула.

— Правильной версии нет. Это легенда.

— Тогда ту, которую рассказывали нам, — попросила Айрин, и Эрвин начал.

О Сварге, кузнеце первых северных поселений, который будто бы ковал так чисто, что металл «пел» до удара. О тёмном духе из северных льдов, против которого обычное железо оказалось бесполезным. О Кователе, вышедшем из горна не как бог с неба, а как мастер, чьи руки были обожжены сильнее, чем у самого Сварга. О единственном уроке, который в разных версиях звучал по-разному.

В детской версии Айрин помнила волшебный молот.

Эрвин закончил иначе:

— Кователь посмотрел на сломанные клинки и сказал: «Ты проиграл не потому, что металл слаб. Ты решил, будто знаешь врага, прежде чем проверил». Потом научил Сварга делать новое оружие.

После песни и старой легенды Эрвин не заговорил сразу. Он складывал листы в том порядке, в каком доставал, и внимательно смотрел, чтобы угол одного не загнулся под тяжестью другого. Айрин раньше не замечала за ним этой привычки. В детстве ей запомнились голос, одежда, суровая манера отвечать на вопросы, а не руки человека, который много лет возил с собой письма и списки. Теперь эти руки казались старше самого Эрвина.

— Ты все песни помнишь? — спросила она.

— Нет. Некоторые забываются вместе с теми, кто их пел.

— А эту?

— Эту попросили сохранить. Я и сохранил. Не потому, что хорошо пою.

Лекс едва улыбнулся. Айрин знала, что он готов пошутить, и впервые за разговор была ему за это благодарна. Но здесь хотелось услышать не новую историю, а то, что старик действительно помнил. Она попросила повторить начало медленнее и несколько раз остановила его, когда не узнавала старую форму слова. Эрвин не раздражался. Один раз только заметил, что при дворе говорили иначе, чем в деревнях, и что певцам это различие нравилось больше, чем писарям.

— Значит, кто-то мог петь иначе? — спросил Лекс.

— Конечно. Песня живёт не в печати. Если в двух домах произносят одно и то же слово по-разному, оба ещё могут помнить один и тот же дом.

Айрин повторила строку так, как помнила от матери. Эрвин прислушался, затем кивнул. Он не объявил её версию правильной. Просто позволил ей остаться рядом со своей, как оставляют на столе две карты, пока не станет ясно, по какой пойдут.

В комнате стало темнее. Лекс передвинул светильник ближе к записям, но Эрвин остановил его: старые листы не следовало держать у горячей лампы. Пришлось отодвинуть стопку и раскрыть чистую тетрадь для копирования. Айрин записывала слова медленно, иногда оставляя место там, где произношение было неясным. Лекс подвинул к ней запасной лист. Айрин не отрывалась от работы: переспросила у Эрвина слово, сверила его с прежней строкой и только тогда продолжила писать. Сейчас она сама решала, что сохранить и как это записать.

Позже она убрала тетрадь в сумку не рядом с картами, а между двумя полотняными обложками. Это был не тайный приказ и не пропуск в утраченное королевство. Обычная запись, которую можно перечитать завтра. Наверное, именно поэтому она была нужна. Пока другие решали, что значит наследие Ингрии, Айрин могла сама выбирать, что из него брать с собой.

Лекс поднял брови.

— Мне нравится эта версия.

— Тебе понравится любая легенда, где сначала проверяют.

— Наконец-то местная религия начинает говорить разумные вещи.

Айрин толкнула его локтем.

Эрвин рассмеялся.

— Есть и другая версия. Там Кователь просто даёт молот и говорит бить сильнее.

— Вот она Кор-Думу понравится.

— Кор-Дум не настолько глуп.

— Я передам.

— Не надо.

* * *

Старый свиток с пророчеством Эрвин всё-таки показал.

И сразу испортил торжественность.

— Не верьте ему.

Лекс моргнул.

— Отличное начало.

— Это поздняя копия. Оригинала нет. У меня есть три варианта текста, и в каждом разные строки.

Айрин развернула пергамент.

Знакомые образы: круги, кровь у кристаллов, человек, «не слышащий зова эфира», руины и пламя. В одной строке действительно было слово, которое можно перевести как «Наследник». Или как «принявший после другого». Или, по заметке Эрвина на полях, «тот, кому оставили работу».

— Откуда копия?

— Из семейного архива одного сказителя. Я переписал до войны. Документом в строгом смысле не считаю. Это фольклорная запись.

— А почему хранишь?

— Потому что даже выдумка рассказывает, чего люди боялись и чего ждали.

Лекс прочёл строку про человека, не слышащего эфир.

— Удобное совпадение.

— Слишком удобное, — сказала Айрин.

Эрвин кивнул.

— Поэтому я не стану говорить, что текст о вас. Половина пророчеств становится точной после того, как люди находят событие и подгоняют слова.

— Наконец-то пророк, которому я верю, — сказал Лекс.

— Я оружейник.

— Ещё лучше.

Айрин свернула свиток и протянула его Эрвину.

— Оставь его у себя.

Эрвин удивился.

— Не хотите взять?

— Карты возьму. Список людей — только копию. Медальон — да. Пророчество пусть хранит человек, который помнит, что оно не инструкция.

Старик медленно улыбнулся.

— Сигрид сказала бы то же самое.

— Не говори мне каждый раз, что сказала бы мама.

Улыбка исчезла.

— Простите.

— Эрвин.

— Да?

— Я хочу узнать её. Но не хочу, чтобы каждый мой выбор сравнивали с её выбором.

Он склонил голову.

— Понял.

И на этот раз в его голосе не было придворного послушания — только уважение.

* * *

Зураб увидел карту уже вечером.

Он сидел у стола в их комнате, вытянув больную ногу. Кор-Дум ещё не вернулся из соседней мастерской: хозяин попросил его посмотреть треснувший вал, а слово «треснувший» для дворфа было почти приглашением на ужин.

Айрин развернула рабочую карту Ингрии. Зураб сначала смотрел без особого интереса, но потом наклонился ближе.

— Здесь деревня была.

Палец остановился у маленькой отметки южнее одной из дорог.

— Какая?

— Три Дуба.

Голос стал тише.

Айрин знала это название.

Отец Зураба, Ратибор, погиб при сожжении деревни. Семья Зураба исчезла позже, уже на другом витке войны и рабских облав.

— Эрвин рассказывал легенду о Сварге, — сказала она. — И упомянул Ратибора как последнего большого мастера этой школы.

Зураб не поднял головы.

— «Последнего» люди любят говорить, когда остальных не знают.

— Ты знаешь?

— Я знаю, как отец учил. Это не то же самое, что знать всё, что умел он.

Лекс сел напротив.

— Эрвин обрадовался, когда услышал, что ты жив.

— Пусть не радуется раньше времени.

— Почему?

Зураб коснулся карты.

— Потому что если он ждёт от меня секретного рецепта великой ингрийской стали, который я сейчас достану из рукава, разочаруется.

— Я ему это уже говорила, — сказала Айрин.

Теперь он посмотрел на неё.

— И что?

— Ответил: «Тогда будем начинать с того, что знаем».

Зураб некоторое время молчал.

— Нормальный человек.

Это у него считалось высокой похвалой.

Он провёл пальцем вдоль дороги.

— Здесь раньше был каменный мост. Его могли снести. А вот этот обход через лес использовали возчики руды. Если тропа не заросла, до северных старых выработок можно пройти, не выходя на большую дорогу.

Айрин достала угольный карандаш.

— Это ты видел сам?

— До войны ездил один раз с отцом. Давно.

Она поставила рядом маленькую отметку и приписала: «Зураб — личная память, до войны».

Он посмотрел на подпись.

— Теперь всё так будете писать?

— Да.

— Утомительно.

— Зато через месяц не будем спорить, кто что «точно помнит».

— Это Лекс тебя испортил.

— Нет. Это Эрвин подтвердил, что Лекс иногда бывает прав.

— Ещё хуже.

Лекс возмутился:

— Я вообще здесь сижу.

— Поэтому и говорю.

Айрин рассмеялась.

Смех не стих, когда медальон под рубахой качнулся и коснулся кожи; в этой простой тяжести было что-то важное.

* * *

На следующий день они вернулись к Эрвину уже с Кор-Думом и Зурабом — не ради поклонов, а ради карт.

Кор-Дум первым делом потребовал стол побольше.

Клык дал две доски на ящиках и предупредил:

— Сломаете — платите.

— Это твой стол?

— Теперь мой.

— Вчера был ящик.

— В Механосе имущество растёт в цене быстрее, чем успевает понять, что стало имуществом.

Кор-Дум посмотрел на Лекса.

— Учись.

Они разложили четыре источника одновременно: Эрвин — ингрийскую дорожную карту, Клык — грубую сталкерскую с отметками опасных зон, мест ночёвки и старых выходов, Зураб углём восстановил по памяти отдельные связки дорог, а Лекс развернул городскую схему окрестностей, купленную у Шныря за две медные монеты.

Совпадало далеко не всё, поэтому работа заняла почти три часа: на карте Эрвина один ручей шёл западнее, на сталкерской — восточнее; Зураб помнил, что русло раздваивалось после весенних разливов, а Клык утверждал, что последние годы там вообще сухо.

Лекс не выбрал «правильную карту». Он нарисовал оба варианта и пометил участок как неопределённый.

Кор-Дум ткнул пальцем в северный проход.

— Здесь подъём какой?

— Старые ступени, — сказал Эрвин.

— Видел?

— Нет. Описание в дорожной ведомости.

— Значит, ступени были, когда её составляли.

— Именно.

— А сейчас может быть осыпь.

— Может.

Клык уже сворачивал карту.

— Я пошлю человека до первого поворота. Дальше без верёвки не полезет.

— Какого человека? — спросил Малой от двери.

Все одновременно повернулись; Малой замер в дверях с кувшином воды.

— Я просто принёс воду.

— Поставь и выйди, — сказал Клык.

— Я могу разведать.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты ещё вчера спрашивал, можно ли стучать по древней панели, если она не светится.

— Я спросил теоретически.

— Теоретически останешься здесь.

Малой поставил кувшин и вышел, бормоча, что молодым здесь вообще ничего нельзя.

Шило просунул голову следом.

— Если что, я за него.

— Тебя тоже не звали, — сказал Клык.

— Поэтому союз со сталкерами не развивается.

Дверь закрылась.

Эрвин смотрел им вслед с удивлением.

— Они всегда такие?

— Нет, — ответил Клык. — Иногда хуже.

К полудню работа дала конкретный результат — не «маршрут к тайне Ингрии», а три точки, которые можно проверить без большого похода.

Первая — старая развилка у выработок, известная Клыку.

Вторая — разрушенная сторожевая ниша, отмеченная в ингрийской ведомости.

Третья — место, где две карты сходились возле входа в более глубокий комплекс.

Клык предложил совместить первую проверку с уже планируемым выходом сталкеров.

— У меня есть работа в соседнем районе. Если пройдём через старый ход и не увидим свежих обвалов, потеряем полдня. Взамен я получу вашу карту подходов.

Айрин уточнила:

— Копию.

— Разумеется.

— Только этого участка.

Клык посмотрел на неё с уважением.

— Разумеется.

— И без отметок убежищ Ингрии.

— Уже понял.

Эрвин хотел возразить, но Айрин повернулась к нему.

— Карты теперь не реликвия. Это сведения, за которые могут убить людей. Полную копию никому.

Старик закрыл рот, обдумал сказанное и в конце концов согласился.

— Правильно.

После разговора о карте Эрвин предложил ещё раз пройтись по известным отметкам, но теперь не как по линии на бумаге, а как по перечню вопросов. Куда можно добраться с ранеными? На каком участке вода бывает даже в сухой сезон? Кто из местных проводников может говорить уверенно, а кто только повторяет чужие рассказы? Ответов оказалось меньше, чем красивых названий. Кор-Дум несколько раз отложил карандаш и попросил не записывать то, в чём никто не уверен.

— У тебя тут два перехода обозначены одним днём, — сказал он Эрвину.

— Так записали те, кто шёл раньше.

— Они были с поклажей?

— Не знаю.

— Значит, рядом напиши: «не знаем». Иначе мой сын посмотрит на карту и решит, что успеет быстрее.

Грым наверняка поднял бы голову, услышав это. Спорить бы не стал, хотя все увидели бы, как ему хочется возразить. Зураб тоже наклонился над картой и указал на место, где каменная

дорога могла быть шире, но подъём к ней выглядел круче. Он не претендовал на знание горной тропы: только показал, какие вопросы задал бы местному мастеру перед тем, как гнать туда повозку. Эрвин внимательно выслушал его и не попытался заменить ремесленный совет старой придворной памятью.

Айрин смотрела на их руки над листом. На мгновение карта перестала быть историей об утраченной Ингрии и стала тем, чем её следовало сделать прежде всего, — рабочим предметом. Люди, которые могли никогда не знать друг друга при прежней жизни, сейчас вместе искали способ не потерять ещё кого-нибудь. Она ещё не решила, как ответить на все просьбы Эрвина, но решила, что не позволит превращать эти просьбы в приказы. Когда Эрвин снова заговорил о долге перед Ингрией, она ответила не сразу: сначала закончила отметку на карте.

Кор-Дум постучал ногтем по карте.

— Кто идёт?

Клык начал перечислять:

— Я. Шило. Лекс. Ещё двое моих.

Из-за двери донеслось возмущённое:

— А я?!

Клык на мгновение прикрыл глаза, словно заранее знал, что услышит дальше.

— Малой!

— Я ничего!

Айрин поймала взгляд Лекса.

Следующая экспедиция уже начинала собираться сама собой.

Но на этот раз она хотя бы имела карту, цену, задачу и людей, ответственных за разные части пути.

* * *

Вечером Эрвин пришёл к ним сам — без Клыка и без карт, только с книгой.

Кор-Дум ещё работал внизу. Зураб спал после длинного дня; колено снова распухло, и Айрин настояла на холодном компрессе и покое. Лекс занимался браслетом, пытаясь понять, почему после последних зарядок одна шкала начала занижать остаток.

Эрвин сел у двери.

— Я ненадолго.

— Что случилось? — спросила Айрин.

— Ничего. Поэтому и пришёл сейчас.

Он положил книгу на стол.

— Это список явок и имён, о котором я говорил. Целиком не отдам.

— Правильно.

— Сделал для вас выписку. Только те люди и места, которые можно искать без прямого выхода на подпольные убежища.

Он протянул восемь листов.

Айрин быстро просмотрела.

На восьми листах повторялась та же система: имя, место и дата последнего подтверждённого известия; рядом стоял знак достоверности.

— Это твоя система?

— Теперь да. Раньше я ставил просто точки. После сегодняшнего разговора решил, что точки слишком уверенные.

Лекс поднял голову.

— Мне нравится этот человек.

— Я слышу, — сказал Эрвин.

Айрин положила листы рядом с расходами. Соседство получалось странным: шесть серебряных, два ремонта, триста с лишним человек, которых видели в живых, медальон матери и карта опасного прохода.

Вот так прошлое становилось настоящим: не гимном, а списком задач.

— Ты говорил о внешней угрозе, — напомнила Айрин. — Не только Вэл'Шан?

— О Вэл'Шане у меня есть старые сведения и новые слухи. Старое: его имя встречалось в допросах наших мастеров ещё во время войны. Лично я его не видел. Двое пленных, вернувшихся после обмена, утверждали, что он присутствовал при исследованиях. Оба давно мертвы. Новое: после вашего побега его люди задают вопросы по дорогам. Это сообщения торговцев, часть через два-три пересказа. Достоверность разная.

— Что ещё?

— В Механос пришли охотники за наградой.

— Это мы знаем.

— Не все знают, что искать.

— А теперь?

— Теперь кто-то отдельно спрашивает про женщину по имени Айрин.

Она почувствовала, как Лекс перестал возиться с браслетом.

— Кто?

— Не знаю.

— Магистериум?

— Возможно. И это именно «возможно».

Эрвин открыл книгу на странице с короткой записью.

— Один мой человек видел посредника у старого рынка. Тот искал реестр партии рабов, из которой Кор-Дум купил двоих. Не называл Вэл'Шана. Платил хорошо.

Лекс тихо выругался.

— Если две стороны лезут в одни и те же реестры, одна может заметить запрос другой, — сказал Лекс. — Даже если не знает, кто именно спрашивал.

— Значит, не лезем сами, — сказала Айрин.

Эрвин кивнул.

— Именно. Я прекратил прямой запрос.

— Хорошо.

— И ещё одно. Если кто-то уже связал ваше имя с Ингрией, медальон лучше не носить поверх одежды.

Айрин коснулась волчьей головы под рубахой.

— Не собиралась.

— Простите.

— Хватит извиняться за советы. Просто не превращай их в приказы.

— Постараюсь.

Лекс отложил браслет.

— Мы тоже должны сказать тебе кое-что. Я не хочу, чтобы ты строил планы, считая меня каким-то человеком из пророчества.

Эрвин посмотрел спокойно.

— Я уже сказал, что не считаю свиток доказательством.

— Хорошо. Потому что я буду ошибаться.

— Все будут.

— Иногда дорого.

— Тогда записывайте цену.

Лекс рассмеялся.

— Всё. Точно нравится.

Айрин покачала головой.

— Двух стариков в одном доме ему мало, теперь нашёл третьего.

— Я не старик, — возмутился Лекс.

— Я про Кор-Дума, Зураба и Эрвина.

Эрвин впервые за весь вечер рассмеялся громко.

Из соседней комнаты сонно донеслось:

— Я слышу.

— Спи, — ответила Айрин.

— Я не старик.

— Спи, Зураб.

— Вот так людей и лишают права голоса.

Через минуту он снова затих.

Тепло в комнате стало почти домашним.

Айрин неожиданно вспомнила оружейную в Ингрии.

Не пожар.

Не последний день.

Обычный зимний вечер: отец спорит с Эрвином о новой партии клинков, мать прислала слугу за дочерью, а Айрин прячется за ящиками, потому что хочет дослушать историю о Сварге.

Она так долго помнила Ингрию только в момент гибели, что почти забыла: до гибели там была жизнь.

— Эрвин.

— Да?

— Ты останешься в Механосе?

Эрвин задержался с ответом.

— Пока.

— А потом?

— Потом хочу снова искать людей.

Айрин сжала губы.

— Один?

— Нет. Уже не настолько глуп.

— Кто с тобой?

— Есть двое старых знакомых. Сначала проверим одну цепочку слухов к северу. Если она пустая — вернёмся.

— Когда?

— Не завтра.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

— Вы сейчас говорили как Сигрид.

Айрин уже открыла рот.

Эрвин поднял ладонь.

— Простите. Это был последний раз сегодня.

Она всё-таки улыбнулась.

* * *

После его ухода Лекс не стал сразу спрашивать, что она думает.

Он вернулся к браслету, а Айрин снова развернула выписку имён и на третьем листе нашла женщину, которую помнила по кухне дворца.

«Милава. Видели в северных лесах. Источник — два торговца, независимо. Год назад. Не подтверждено».

На пятом — бывшего конюшего.

«Рем. Подтверждён живым три года назад. Дальше сведений нет».

Ниже шли несколько фамилий, которые ничего ей не говорили, и это тоже было правильно: Ингрия не состояла только из людей, которых знала принцесса.

— Лекс.

— М-м?

— Я не хочу, чтобы Клык знал полный список.

— Согласен.

— И Рагнар.

— Особенно Рагнар.

— И если мы найдём людей… я пока не хочу, чтобы они собирались вокруг меня только из-за имени.

Лекс отложил отвёртку.

— Тогда скажи им это.

— Ты думаешь, послушают?

— Не все.

— Очень поддерживает.

— Зато не вру.

Она подошла к окну.

Механос шумел внизу.

Там торговались за металл, еду, жильё, инструменты и сведения. Где-то продавали копию объявления, по которому за Лекса давали тысячу золотых. Где-то человек искал старый реестр, пытаясь выяснить, кем была Айрин до рабского рынка.

А на столе лежал список людей, которые могли помнить Ингрию иначе, чем она.

Не как дворец, корону или красивую смерть Харальда у ворот, а как дом с текущей крышей, весеннюю дорогу, украденное со склада зерно и песню, в которой меняют последние строки, потому что старая версия больше не помогает выжить.

Айрин достала медальон.

Серебряный волк лежал на ладони.

— Я боялась, что если когда-нибудь найду хоть что-то мамино, сразу пойму, что делать дальше.

Лекс подошёл, но не коснулся её.

— И?

— Не поняла.

— Плохо?

Она подумала.

— Нет.

За стеной снова ударил молот Кор-Дума.

Один раз.

Пауза.

Ещё два.

Ровный рабочий ритм.

— Завтра Клык сверит маршрут, — сказала Айрин. — Потом решим, идти ли к этим выработкам.

— Хорошо.

— Эрвин даст копию только нужного участка.

— Хорошо.

— Список остаётся у нас и у него. Без третьих копий.

— Хорошо.

Она повернулась.

— Ты умеешь говорить что-нибудь кроме «хорошо»?

— Ты сама всё толково решаешь. Чего мне мешать?

— Учишься.

— Медленно.

Айрин спрятала медальон под рубаху. Он больше не казался ответом — только связью: с матерью, которую она помнила живой; с людьми, которых ещё предстояло найти; с королевством, которого больше не было, и будущим, форму которого никто пока не имел права назвать заранее.

На столе лежала карта, а не пророчество; сейчас карта была полезнее.

Глава 6. Союз со сталкерами

Месяц Халдир, 2000 год Эры Синода / 800 год Торговой Эры

Утро в Механосе началось раньше, чем Лекс успел проснуться окончательно. Снизу дважды ударил молот, на улице кто-то прокатил по камню тележку с плохо смазанным колесом, потом над двором раздалась ругань двух возчиков, выяснявших, кому принадлежит место у водяной колонки. К этому привычному шуму добавился запах каши, которую Кор-Дум уже успел снять с общей печи, и слабый металлический звон: Айрин за столом пересчитывала остаток денег. Лекс сел на краю лежанки и несколько секунд просто прислушивался к себе. Голова

после вчерашнего разговора с Эрвином не болела, браслет показывал обычный пульс, а правая кисть лишь немного ныла после двух дней мелкой работы. Можно было вставать.

На соседнем стуле лежала сложенная карта, которую Айрин принесла от Эрвина, но сегодня она не собиралась раскрывать её перед кем-либо из людей Клыка. Полный ингрийский маршрут оставался между ней, Эрвином и теми, кого они сами решат посвятить.

— Если ещё минуту будешь смотреть в стену, — сказала Айрин, не поднимая головы от монет, — я запишу это как работу и потребую оплату.

— Я думал.

— Бесплатно?

— Пока да.

Кор-Дум поставил на стол миску.

— Ешь. Клык прислал Малого ещё до рассвета.

Лекс взял ложку.

— Где он?

— Внизу. Шило заставил его перебирать верёвки.

— За что?

— За то, что вчера перепутал два мотка и потом доказывал, что узел сам неправильный.

Зураб, сидевший ближе к печи, усмехнулся. Длинные переходы он переносил всё ещё плохо, поэтому с утра больную ногу держал вытянутой, а палку ставил рядом. По комнате ходил уже без неё, но Механос не состоял из одной комнаты.

— Полезное наказание, — сказал он. — Верёвка не спорит.

— Малой спорит за двоих, — заметил Кор-Дум.

Айрин закончила подсчёт и повернула лист к Лексу. После вчерашних расходов денег, которыми они могли свободно распоряжаться, было заметно больше, чем в первые дни Механоса, но богатством это назвать было трудно: шесть серебряных с мелочью. Отдельно лежали деньги на ближайшую аренду и небольшой резерв на металл. На жизнь они ремонтом зарабатывали, но от забот о деньгах это не избавляло.

— Клык обещал сегодня не ремонт, — сказал Лекс.

— Поэтому я и считаю до выхода, — ответила Айрин. — В руинах люди часто теряют не только кровь, но и понимание, кому принадлежит найденное.

Кор-Дум одобрительно хмыкнул.

— Правильно. Пока вещь на полу, у неё нет хозяина. Как только её подняли двое — хозяев становится трое.

— Почему трое? — спросил Лекс.

— Третий — тот, кто потом объяснит, что место вообще было его.

Зураб тихо рассмеялся. Лекс доел и проверил снаряжение не спеша. Доработанную винтовку он брал с собой, но магазин не вставлял до самого выхода из города. Двадцать снарядов оставались двадцатью. Две гранаты лежали отдельно, в мягких чехлах. Ограниченный щит после прошлых проверок зарядили от городской мастерской, заплатив две медные за пользование линией. Браслет держал заряд хуже, чем в Старом Городе, зато пульс и собственное состояние показывал надёжно. Никакой связи с Грымом у него не было. Эту мысль он тоже проверял теперь почти как показание прибора: не позволял тревоге превращаться в придуманный факт.

— Я иду, — сказал Кор-Дум.

— Нет, — ответил Лекс.

Дворф поднял голову.

— Повтори.

— Клык просил меня. Его люди знают шахты. Если мы все уйдём, здесь останутся Айрин и Зураб, который к вечеру после двух улиц начинает проклинать собственное колено.

— Я могу проклинать и на ходу, — заметил Зураб.

— Верю.

Кор-Дум нахмурился.

— А если там металл, который ты не знаешь?

— Не трону.

— Кристалл?

— Не трону без проверки.

— Механизм?

— Запишу, посмотрю, вернусь и позову тебя.

Кор-Дум несколько секунд рассматривал его, словно искал подвох.

— Учишься.

— Иногда.

Айрин закрыла денежный лист.

— И ещё одно. Никаких «оно, кажется, безопасно» после одного показания.

— Три проверки.

— Хотя бы две независимые, если третьей нет.

— Да, лекарь.

— Не издевайся.

— Я серьёзно.

Айрин ещё раз оценила его состояние и всё-таки согласилась.

* * *

Клык ждал в подвальном помещении за часовой мастерской, где Шнырь обычно устраивал разговоры, не предназначенные для улицы. На этот раз карт на столе было три. Одна показывала старые шахтные ходы под восточной частью Механоса. Вторая — современные подвалы, водостоки и несколько участков, которые городской службе принадлежали только на бумаге. Третья выглядела хуже всех: выцветшая копия с чужими пометками и пятнами от воды. Шило сидел на краю стола и вертел короткий арбалетный болт. Лазарь, которого Лекс видел несколько раз во дворе Клыка, проверял ремни на заплечном мешке. Он был широкоплечим, немногословным и уже не молодым; на левой щеке тянулся белый след старого ожога. Пятый человек представился Лысым. Имя, если оно у него было, никто не назвал. Он носил топор с короткой рукоятью и всё время ощупывал пальцем лезвие, будто сомневался в собственной заточке.

Малой сидел в углу рядом с мотками верёвки.

— Вот, — сказал Шило при виде Лекса. — Наш древний железовед.

— Механик, — поправил Лекс.

— Это хуже звучит.

Клык даже не улыбнулся.

— Сначала условия.

Айрин была права. Лекс подошёл ближе.

— Слушаю.

Клык ткнул пальцем в выцветшую карту.

— Здесь старые выработки. Дальше, если верить двум разным людям, начинается кладка, которой в шахте быть не должно. Один видел металлическую дверь. Второй — только ровную стену и следы старой охраны. Оба были там в разные годы.

— Живы?

— Один.

— Второй?

— Умер позже. Не в этих шахтах.

— Откуда карта?

— Копия с копии. Оригинал был у артели, которая ходила туда лет двадцать назад. Вернулась половина.

Лекс проследил маршрут по карте.

— Что вы хотите вынести?

— То, что можно продать и унести. Накопители, целые узлы, редкий металл, инструмент. Не шкафы. Не камни только потому, что красиво блестят.

— Что хотите от меня?

— Не дать нам поднять вещь, которая убьёт всех. Если будет древняя дверь — помочь понять, можно ли открыть. Если не понимаешь — говоришь «не понимаю».

Шило выразительно закатил глаза.

— Никакой романтики.

— Романтика потом пьёт за наш счёт, — сказал Клык.

Лекс сразу вернул разговор к делу.

— Доля?

Клык явно ждал вопроса.

— Прямые расходы выхода сначала возвращаем тому, кто их понёс: свет, верёвка, плата за проход, оценка в городе. Остаток — три пятых моей стороне, две пятых тебе.

— Почему три?

— Маршрут мой. Людей четверо моих. Вынос мой. Продажа через моих скупщиков.

— Знание древних узлов моё.

— Поэтому не четверть.

Лекс ещё раз пересчитал риск и доли.

— Оценивать будет не только твой покупатель.

Клык прищурился.

— Два оценщика, если сумма выше десяти серебряных.

— И то, что пока не оценено, не считается проданным только потому, что кому-то захотелось быстро получить деньги.

— Согласен.

— Личные находки?

— Нет личных находок. Всё из сектора — в общий мешок до выхода.

Шило печально сказал:

— Даже если найду красивую кружку?

— Особенно кружку, — ответил Клык.

— Тирания.

— Подпишешь?

— Я за тебя уже жизнью ручался.

Клык продолжил, не реагируя:

— Если человек нашёл то, что можно спрятать в карман, и спрятал, а мы потом узнали, долю он теряет.

Лысый перестал проверять топор и кивнул. Лазарь тоже. Лекс спросил:

— А если выход прерываем без добычи?

— Каждый несёт свои расходы. Никто никому не должен за то, что решил не умирать.

Вот это Лексу понравилось больше всего.

— Хорошо.

Клык развернул лист к своим людям и заставил каждого посмотреть на порядок долей, хотя большинство уже знало его наизусть. Лекс сперва решил, что это ненужная церемония, но заметил, как Лысый задержал взгляд на строке о неоценённых находках, а Шило вслух переспросил, кто отвечает за повреждённое снаряжение. Никто не спорил о справедливости, пока

речь шла об условных деньгах. Настоящий спор мог начаться у выхода, когда кто-нибудь потащит тяжёлый мешок с разбитым накопителем и решит, что заслужил за него вдвое больше.

— Своё железо каждый считает сам? — спросил Лекс.

— До выхода, — ответил Клык. — А после вместе смотрим, что потрачено на дело.

— Тогда лучше сразу записывать. Сломанная вещь после возвращения выглядит иначе, чем та же вещь после схватки.

Шило поднял арбалет, проверил тетиву и протянул Лексу. У ложа виднелась старая царапина, на прикладе — потёртость от ремня. Ничего нового. Лекс вернул оружие, не пытаясь показать, что умеет судить о нём лучше хозяина.

— А стрелы? — спросил он.

— Болты, — поправил Шило. — И считать их будешь не глазами, а по тому, сколько осталось в колчане.

Лысый фыркнул. Лекс достал уголёк и сделал на обороте своего листа пометку о проверке до выхода. Клык не возражал: чужая аккуратность была ему полезна, пока не замедляла работу.

Потом началось обычное собирание в дорогу. Верёвки развесили на перекладине, чтобы проверить, где волокно потемнело от воды; слабые места никто не маскировал узлами. Лысый показал Лазарю, как сворачивать длинную верёвку без перекрута. Малой попытался повторить и получил клубок, который завязался сам на себе. Шило сначала приготовил колкость, но Клык заставил его показать ещё раз — без смеха. В шахте ошибка с верёвкой могла стоить жизни, и там было не до воспитательных речей.

Лекс смотрел, как люди, привыкшие к подобным выходам, распределяют вес и инструменты. Сам он умел составить список, но не знал, какую петлю лучше затянуть в темноте и какой конец оставить свободным. На вопрос о размере мешка Клык ответил так, будто речь шла о чём-то самоочевидном: брать следует тот, который человек сможет нести обратно по лестнице, даже если утром ему казалось, что хватит сил на два. Этот ответ Лекс записал отдельно.

Перед окончательным разговором Клык попросил каждого показать снаряжение. Шило проверил арбалет и оставшиеся болты, Лазарь подтянул ремень дубинки, Лысый поправил крепление топора. Малой нашёл треснувшую пряжку и, покраснев, попросил запасную. Никто не смеялся: в руинах слабая застёжка могла оказаться опаснее промокших спичек. Клык сам указал, где взять исправную. Лекс затянул ремень сумки и хотел уже пройти к двери, но Клык указал ему место в строю. Сегодня командовал сталкер. Лекс кивнул и отошёл туда, где ему было велено ждать.

Клык протянул Лексу руку. Тот пожал её.

— Теперь маршрут.

Малой вскочил.

— А я?

Клык повернул голову.

— Ты отнесёшь Шнырю этот пакет, потом вернёшься сюда и поможешь разобрать мокрые верёвки.

У Малого вытянулось лицо.

— Я тоже могу идти.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я сказал.

— Это не причина.

Шило прыснул. Клык медленно перевёл взгляд на него.

— Ты его испортил.

— Я? Он таким родился.

Малой не сдавался.

— Я уже ходил за вами. Я умею тихо.

— Ты умеешь тихо до первой интересной железки.

— Не трону.

— Сегодня проверим твоё умение не трогать здесь.

Парень сжал губы. Клык отдал ему запечатанный пакет.

— Шнырю в руки. Не в дверь. Не соседу. Не мальчишке у входа. Потом обратно.

— Понял.

— Повтори.

Малой повторил. Лекс встретился с ним глазами. Тот выглядел обиженным, но не спорил. По крайней мере, вслух.

* * *

До выхода они несколько раз пересчитали то, что брали с собой. Клык распределял нагрузку не по росту и не по званию. Тяжёлый мешок достался тому, кто лучше переносил его на длинном спуске; верёвку несли так, чтобы она оставалась под рукой, а не на самом дне поклажи. Шило ворчал, что из-за всех этих предосторожностей скоро придётся нанимать отдельного сталкера носить одни правила. Клык предложил ему испытать это на собственном кошельке. Шило неожиданно замолчал.

Лекс проверял рисунок найденного прежде разъёма. Рисунок не мог заменить сам предмет, и это раздражало сильнее, чем он хотел признавать. Знакомые земные обозначения здесь годились только как личные пометки. Если кристалл давал неверную нагрузку или древний металл менял свойства под действием эфира, любой удобный расчёт превращался в догадку. Он обвёл те места, которые видел своими глазами, и отдельно пометил те, о которых ему только рассказали.

— Много пустого оставил, — сказал Малой, заглядывая через плечо.

— Потому что не знаю.

— А если узнаешь?

— Тогда будет куда записать.

Малой подумал и кивнул, как будто ответ представлял собой чрезвычайно сложную науку. Лекс усмехнулся. В мастерской за такие слова его могли бы обругать, но здесь недостаток знания был особенно опасен: под землёй ни один из них не мог позволить себе уверенность только ради спокойствия остальных.

Айрин передала ему запасной кусок ткани и велела держать его отдельно от инструмента. Лекс хотел спросить, почему она решает за него, но увидел, что она не просто напоминает о перевязках. После недавних событий ей нужно было знать, что группа подготовилась настолько, насколько это вообще возможно. Он уложил ткань в боковой карман, показал ей место и застегнул ремень.

Клык проверил людей взглядом, задержавшись на Малом. Тот стоял прямо, почти не двигаясь. Но стоило Шилу отвернуться, как мальчишка нервно перебрал пальцами край перчатки. Лекс подумал, что страх сам по себе не делает человека непригодным для дороги. Гораздо опаснее, если он решит скрывать его до того момента, когда придётся молча подчиниться чужому приказу.

Из Механоса вышли после полудня, когда обычный рабочий шум позволял раствориться среди телег и мастеровых. Винтовка лежала у Лекса в чехле. Клык нёс короткий меч и нож. Шило — арбалет и связку болтов. У Лазаря была тяжёлая дубинка с металлическими кольцами, у Лысого — топор. Первый час маршрут не походил на путь к древним руинам. Они прошли через два складских двора, спустились по лестнице за заброшенной красильней, пересекли старый водоотвод и только потом добрались до того места, где кирпич Механоса сменился грубой шахтной кладкой. Клык шёл первым. На каждой развилке он останавливался, проверял

собственные старые метки и только потом выбирал ход. Дважды они уходили с прямой дороги, хотя та выглядела лучше.

— Почему? — тихо спросил Лекс на второй развилке.

Клык показал на пыль. На первый взгляд ничего. Потом Лекс увидел тонкую ровную полосу вдоль стены.

— Проволока?

— Была. Кто-то снял.

— Давно?

— Не знаю. А значит, прямой ход теперь знает кто-то ещё.

Шило шёл третьим и мелом ставил едва заметные знаки под выступами камня.

— Ваши? — спросил Лекс.

— Сегодня наши. Завтра будут чужими, если кто-то их увидит.

— Тогда зачем?

— Чтобы сегодня не умереть.

Лысый сзади негромко сказал:

— Хороший девиз.

Через двадцать минут Клык остановился так резко, что Лекс чуть не врезался ему в спину.

— Выходи, — произнёс он в темноту.

Ответа не было. Шило шумно выдохнул через нос.

— Малой, если заставишь меня лезть за тобой в эту щель, обратно я тебя вытащу за уши.

Из бокового прохода показалась сначала рука, потом виноватое лицо. Лекс прикрыл глаза. Клык не сказал ни слова. Это оказалось хуже крика. Малой вышел из прохода. За спиной маленький мешок, на поясе нож, фонаря нет.

— Пакет? — спросил Клык.

— Шнырю отдал.

— Обратно вернулся?

— Вернулся.

— И потом?

— Вы уже ушли.

— Поэтому надо было ждать.

Малой опустил подбородок.

— Я шёл далеко сзади. Никто не видел.

Клык подошёл почти вплотную.

— Ты знаешь, где мы сейчас?

— В старых шахтах.

— Ты сможешь один вернуться через последние четыре развилки?

Парень молчал.

— Вот и вся твоя готовность.

Шило уже не улыбался. Лекс посмотрел назад. Отправить Малого одного означало дать ему ещё один шанс ошибиться на незнакомом маршруте. Возвращаться всем — сорвать выход, потерять день и показать возможному наблюдателю лишнее движение. Клык явно считал то же самое.

— Теперь ты идёшь между Лазарем и Шилом, — сказал он. — Не впереди. Не сзади. Ничего не берёшь без команды. Если я говорю лечь — падаешь, а не спрашиваешь почему. Если Шило говорит бежать — бежишь туда, куда показывает. Если Лекс говорит «не трогать» — даже смотреть близко не лезешь.

— Понял.

— Нет. Ты услышал. Пойму, понял ли, когда вернёмся.

Малой сглотнул и встал куда велели. Клык повернулся к остальным.

— Дальше опасная зона. С этого места разговоры только по делу.

Вот теперь экспедиция началась по-настоящему.

* * *

Воздух становился холоднее по мере спуска. Шахта давно не работала, но вода продолжала находить дорогу: сочилась по стенам, капала с деревянных крепей, собиралась в неглубоких лужах. Несколько опор сгнили настолько, что Клык обходил их по противоположной стороне тоннеля, не касаясь даже плечом. Лекс включил на браслете только фоновую шкалу. Первое время она почти не менялась. Потом значение поползло вверх.

— Фон растёт, — тихо сказал он.

Клык остановился.

— Насколько?

— Не знаю, опасно ли. Просто выше точки, которую я принял за норму в городе.

— Тварь?

— Может быть. Кристалл. Старая линия. Что угодно.

— Значит, ничего не меняем.

Лекс согласился с Клыком: пока причина скачка оставалась неизвестной, менять план было рано. Ещё через два поворота Лекс поднял кулак. Впереди стояла тишина, слишком плотная даже для заброшенной шахты. Шило медленно снял арбалет с плеча, Лысый перехватил топор, Лазарь подтянул Малого ближе к стене. Лекс не хотел включать эфирное зрение: после Старого Города он научился считать собственную голову таким же ограниченным ресурсом, как заряд накопителя. Однако браслет показывал скачок, а обычный свет ничего не объяснял. Он открыл восприятие на один короткий вдох. Тоннель не превратился в понятную схему — поверх камня лишь проступили слабые линии, а на правой стене впереди выделилось плотное, неровное пятно, не совпадавшее ни с одним кристаллом вокруг. Боль кольнула висок, и Лекс сразу закрыл зрение.

— Справа. На стене. Шагов двадцать, может меньше.

Клык посмотрел туда, куда он указал. Ничего. Потом один кусок тьмы отделился от другого.

— Прыгун, — шепнул Клык.

Шило медленно навёл арбалет.

— Не по корпусу, — сказал Клык. — Жди голову.

Тварь пошевелилась. Шкура у неё переливалась так, что глаз всё время терял края. Красные точки глаз возникали и исчезали, когда существо поворачивало морду. Малой сзади втянул воздух. Прыгун сорвался со стены. Шило выстрелил. Болт ударил сбоку, не пробив шкуру, но развернул тварь в воздухе. Она приземлилась почти у Лазаря, скользнула по мокрому камню и тут же прыгнула снова. Лекс успел только шагнуть в сторону и толкнуть Малого вниз, когда тень пронеслась над ними. Что-то полоснуло по плечу. Ткань куртки лопнула. Лысый встретил тварь топором. Первый удар пришёлся вскользь. Второй — когда Клык ножом заставил её повернуть голову. Лазарь ударил дубинкой по задней лапе, тварь потеряла опору, и Лысый закончил дело коротким рубящим движением под основание черепа. Существо несколько раз дёрнулось и затихло. Малой лежал на полу, широко раскрыв глаза. Лекс поднялся. Плечо жгло.

Клык первым осмотрел коридор, только потом подошёл.

— Ранен?

Лекс ощупал разрез. Кожа цела. Коготь располосовал верхний слой одежды и оставил длинную красную царапину.

— Нет. Куртка.

Шило поднял свой болт. Наконечник согнулся.

— А вот у меня погиб товарищ.

Лысый посмотрел на болт.

— Похороним с почестями.

— В твоём кошельке.

Малой сел. Клык повернулся к нему. Парень сам сказал:

— Не высовываться. Понял.

— Теперь, может быть.

Они не задержались. Шило подобрал уцелевшее древко болта: его ещё можно было использовать, если позже заменить погнутый наконечник. Лекс записал: один болт повреждён, куртка порвана, на показаниях браслета короткое включение зрения никак не отразилось — и важным здесь было именно отсутствие связи, а не доказательство безопасности. Дальше шли медленнее.

* * *

Металлическая дверь появилась там, где шахтный ход уже не должен был продолжаться. Слева и справа оставалась грубая порода. По центру — ровная тёмная поверхность без ржавчины на основных плитах, хотя крепления вокруг покрылись налётом. Шило провёл пальцем по краю.

— Вот это уже не дворфы.

— Не трогай панель, — сказал Лекс.

— Я только край.

— У края тоже могут быть контакты.

Шило убрал руку.

— С каждым днём жизнь становится скучнее.

Клык достал сложенную бумагу.

— У нас есть вот это.

На листе был угольный оттиск знаков с двери, сделанный кем-то раньше, и ниже — перевод, написанный другим почерком. Лекс прочитал.

— Кто переводил?

— Старый писарь, работавший на одного коллекционера. Умер лет восемь назад.

— Хорошо перевёл?

— Никто не смог проверить.

— Отлично.

Лекс понимал смысл текста только благодаря переводу, лежавшему перед ним: «Три брата живут в одном доме. Один видит всё, но молчит. Один слышит всё, но не говорит. Один говорит всё, но ничего не видит и не слышит. Кто они?» На самой панели под строками располагались три пустых углубления и ряд символов, часть из которых Лекс видел в Старом Городе на бытовых табличках, но целиком прочитать не мог.

— Может, перевод врёт, — сказал он.

— Тогда зря пришли, — ответил Клык.

Шило почесал подбородок.

— Три брата. Один видит, другой слышит, третий болтает… Стражник, шпион и глашатай.

Клык повернулся.

— В одном доме?

— При дворе.

— Шпион при дворе — это не брат. Это обычная работа.

— Ты просто завидуешь.

— Чему?

— Я первым решил.

— Ты первым придумал три профессии.

Лазарь тихо сказал:

— Может, дом — крепость? Смотровая башня видит. Слуховой ход слышит. Колокол говорит.

Лекс посмотрел на панель. Три углубления были одинакового размера. Не башня, ход и колокол. Или это вообще ничего не значило.

— Если «братья» одинаковы по природе, — сказал он, — функции разные, но дом один.

Клык перечеркнул первую пометку.

— Тогда не профессии.

Малой переминался с ноги на ногу за спиной Лазаря. Наконец не выдержал:

— А тело — дом?

Все повернулись. Парень сразу напрягся.

— Я просто… Если один видит, то глаз. Если другой слышит — ухо. А говорить… язык. Они все в одном человеке.

Шило медленно опустил руку.

— Вот гад.

— Что? — насторожился Малой.

— Потому что похоже на правду.

Клык посмотрел на Лекса.

— Проверишь?

Лекс не стал сразу касаться панели. Сначала сравнил три символа на старом оттиске с копиями обозначений из Старого Города, которые носил сложенными в бумажном чехле. Один знак действительно встречался рядом с оптическими датчиками, второй — в записи аудиоканала архива, третий он видел на панели внутренней связи. Это был не перевод, а три независимых совпадения функций.

— Похоже на глаз, ухо и язык, — сказал он. — Но нажимать буду по одному. Если панель меняется — останавливаемся и смотрим.

— Разумно, — ответил Клык.

Шило поморщился.

— А я уже приготовился бежать.

— Не расслабляйся.

Лекс коснулся первого символа — в одном углублении появился мягкий голубой свет; после второго загорелось соседнее, а на третьем панель погасла целиком. Шило тихо выругался, но тут внутри двери что-то тяжело щёлкнуло, створка ушла в стену, и Малой расплылся в улыбке.

— Я же говорил.

Клык поднял палец.

— Один раз.

— Но правильно.

— Один раз правильно.

— Это уже начало.

Шило хлопнул его по затылку ладонью, несильно.

— Начало твоего наказания после возвращения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.